

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Алтайская государственная академия образования имени В.М. Шукшина»
(ФГБОУ ВПО «АГАО»)
Факультет истории и права
Кафедра историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин

Расширение братской семьи народов накануне Великой Отечественной Войны

Дипломная работа

Выполнил студент
И-ИЮ 101

Стародубцев

Сергей Николаевич

Научный руководитель:
канд. истор. наук, доцент

Мезенцев

Роман Викторович

_____
(подпись)

Оценка _____

« ____ » _____ 2015 г.

Допустить к защите
Зав. кафедрой историко-
правовых и социально-
гуманитарных дисциплин
канд. истор. наук, доц.

**Орлов Дмитрий
Сергеевич**

Бийск – 2015.

Содержание

Введение	3
Глава 1. Вхождение Западной Украины и Западной Белоруссии в состав СССР	13
1.1 Вторжение СССР в Польшу.....	13
1.2 Советско-германские переговоры.....	20
Глава 2. Распространение влияния СССР в Прибалтике и Финляндии ..	25
2.1 Политика СССР в отношении Литвы, Латвии и Эстонии.....	25
2.2 Конфликт с Эстонией.....	30
2.3 Латвия и Литва – зона влияния СССР.....	34
2.4 Советско-финские отношения.....	41
Глава 3. Включение в состав СССР Бессарабии и Буковины	51
3.1 Попытки решения «Бессарабского вопроса».....	51
3.2 Урегулирование «Бессарабского вопроса» с Румынией.....	67
Заключение	76
Список использованной литературы	81
Приложение	85

Введение

На протяжении 1939-1940 гг. в результате активной внешнеполитической деятельности в состав СССР вошел ряд земель. Это положение было зафиксировано Договором «О дружбе и границах». По этому договору Советский Союз должен был заняться государственным переустройством присоединенных территорий. По условиям секретных протоколов, которые были приложены к советско-германским договорам, территория Польши и прибалтийских государств - Эстонии, Латвии, Литвы - была отнесена в сферу интересов Советского Союза. 26 июня 1940 г. СССР потребовал от Румынии передачи ему Бессарабии и Северной Буковины. Румыния, под угрозой применения военной силы, вынуждена была согласиться с этим ультиматумом и 28 июня 1940 года на территорию Бессарабии и Северной Буковины были введены советские войска; 2 августа 1940 года на VII сессии Верховного Совета СССР был принят Закон об образовании союзной Молдавской Советской Социалистической Республики. Оценивая итоги политики Советского Союза в отношении Прибалтики, Польши, Румынии, необходимо отметить, что присоединение этих территорий к СССР восстановило историческую справедливость, сыграло определенную роль в деле обеспечения безопасности западных границ. Но, по мнению ряда историков, методы, которыми велась эта политика, особенно политика государственного переустройства присоединенных территорий, противоречат международным правовым нормам.

Актуальность данного исследования обусловлена сложной геополитической обстановкой на постсоветском пространстве. Бывшие братские страны пытаются пересмотреть историю Второй мировой войны, вычеркивая позитивную роль советской власти в победе над фашизмом. В качестве примеров можно привести оранжевую революцию в Украине в 2004 и 2014 годах, одним из следствий которого является героизация

коллорационистов и бандеровцев Великой Отечественной. Проведение подобной политики значительно разделило не только политический истеблишмент Российской Федерации и Украины, но и народы этих стран, говоря советской терминологией, раньше являющимися братскими. Искажение исторических фактов привело и к конфликтам внутри самой и Украины, где по сей день на юго-востоке продолжается гражданская война.

Так же за два десятилетия значительно изменились отношения России и Прибалтийских Республик, где все большую популярность набирают националистические силы и сводятся к минимуму права русского меньшинства. Кроме того в Восточной Европе начинают складываться определенные альянсы, которые стремятся вовлечь в свою орбиту разные государства, основными антагонистами выступают Европейский и Таможенный союзы. Самые красочные примеры этого мы можем наблюдать в новостных сводках, когда разрушают памятник Ленину и во всех промахах во внутренней политике, экономики обвиняют советское наследие. При этом история ВОВ во всех восточноевропейских государствах находится в прямой зависимости от политического курса правящей элиты и соответственно не может объективно отражать реалии того времени.

В отечественной историографии за последние 10 лет напротив, просматриваются позитивные тенденции. Хотя историкам никогда не удавалось с документальной точностью реконструировать события, российские историки сумели отойти от марксистско-ленинистского подхода и в то же время перестали «посыпать пеплом» голову после перестроечного бума архивной революции.

Историография: Один из первых отечественных трудов под названием «Сборник материалов по истории военного искусства в Великой Отечественной Войне»[28] появился в 1955 году, но был малодоступен, поскольку имел гриф «Только для адмиралов, генералов и офицеров Советской армии и Военно-морского флота». В конце 1955 г. в свободную

печать поступили «Очерки истории Великой Отечественной войны»[26], изданные АН СССР. Труд «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг.»[26], разработанный коллективом научных сотрудников Отдела истории Великой Отечественной войны Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, несмотря на богатую фактологию, рассматривал включение новых республик в состав СССР в рамках расширения «братской семьи народов».

Во время архивной революции вышла в свет работа расколовшая историков на сторонников теоретического плана превентивного удара и их противников, а именно «Ледокол» Суворова- Резуна[30], которая не может считаться полноценной научной работой, но создала предпосылки для опровержения плана нападения на Германию со стороны СССР. Одним из таких противников представляется М.И. Мельтюхова с трудом «Упущенный шанс Сталина[19]». В последнее десятилетие предыстория Великой Отечественной войны оказалась в эпицентре ожесточенной и чрезмерно политизированной полемики. Если одни авторы продолжают обвинять тогдашнее советское руководство в недостаточной подготовке к войне, то другие, с легкой руки В. Суворова, наоборот, — в подготовке нападения на Германию. В данной работе на основе документов, в том числе малоизвестных и лишь недавно рассекреченных, подробно исследуются события 1939-1941 гг. Показаны внешняя политика СССР и действия Красной Армии в Восточной Европе в начале Второй мировой войны, военное планирование советского Генштаба, организационное развитие и численность советских вооруженных сил, взгляды советского руководства на события европейской войны и содержание советской пропаганды. Подобное комплексное исследование позволяет нам подвести определенный итог введущимся спорам и дает нам ответы на следующие вопросы: виновен ли СССР в возникновении Второй мировой войны; почему Москва пошла на подписание Пакта о ненападении; что знали в Кремле о германском плане

"Барбаросса"; было ли германское нападение на СССР превентивной войной и многие другие. В частности Мельтюхов проводит подробный анализ взаимоотношений советского руководства с правительствами будущих советских республик.

Отдельного рассмотрения заслуживает работа советского и российского историка М.И. Семиряги[29]. Исследователь рассматривает сталинскую концепцию внешней политики СССР в 1939—1941 гг., ее реализацию и конкретные результаты. Опираясь на те факты, которые ранее были неизвестные и малоизученные источники, он дает новые оценки таким историческим фактам, как заключение советско-германского договора о ненападении и подписание секретных протоколов[Приложение 1], события в Польше, а так же Прибалтике и Бессарабии, советско-финляндская война, переговоры Молотова с Гитлером в ноябре 1940 г. в Берлине, преступление в Катыни и др. При всей дискуссионности ряда авторских положений книга вызывает особый интерес, так как в ней анализируются наиболее острые проблемы предвоенного времени.

Цель дипломной работы: рассмотреть условия и обстоятельства включения новых территорий в состав СССР в 1939-1940 гг.

Задачи исследования:

- 1) проанализировать советско- германский договор 1939г, направленный на раздел сфер влияния в Восточной Европе между Германией и СССР.
- 2) установить в какой степени он отвечает интересам советского государства.
- 3) проследить вхождение Западной Украины, Западной Белоруссии и стран Прибалтики в состав СССР.
- 4) понять истину желания добровольного вхождения братских стран.

Объект исследования: внешняя политика СССР накануне Великой отечественной войны.

Предмет исследования: обстоятельства и условия вхождения новых территорий в состав СССР в 1939-1940 гг.

Источниковая база исследования расширяется с выходом новых сборников документов. При этом следует особо отметить сборник «Документы внешней политики СССР»[39], где собраны докладные записки, донесения в наркомат иностранных дел СССР от послов, министров, пресс атташе разных стран. Выделяется и сборник «Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937-1939»[38] в 2-х томах, содержавшего секретные документы из архива германского министерства иностранных дел за 1937–1939 гг., которые были обнаружены советскими войсками после вступления в Берлин в мае 1945 г. Публикация этих документов, осуществленная МИД СССР вскоре после окончания второй мировой войны, способствовала правильному пониманию мировой общественностью причин ее возникновения. Учитывая все возрастающий интерес ученых и широких кругов общественности многих стран к международным отношениям кануна ВМВ, а также тот факт, что за послевоенные годы в ряде стран опубликовано немало новых документов, касающихся этого периода, было решено осуществить новое, расширенное издание сборника. В настоящее издание включено 202 иностранных документа. Их состав расширен за счет документов, взятых из официальных зарубежных публикаций. В целях наиболее полного и объективного освещения международной обстановки накануне войны в сборник включены основные советские внешнеполитические документы. Первый том сборника содержит документы и материалы за период с ноября 1937 г. по декабрь 1938 г., второй том — с января по август 1939 г.

Документы, напечатанные в сборнике «Год кризиса»[36] дают нам возможность обобщить исходные данные для анализа военно-политической

обстановки и межгосударственных отношений того периода. В сборнике «Полпреды сообщают...» представлены документы, выявляющие вопросы военного и военно-технического сотрудничества СССР и стран Прибалтики. Следует отметить, что изданный еще в 1990 г. МИД СССР сборник документов положил основу для подготовки подобного рода изданий в прибалтийских республиках СССР, а в последующем и суверенных прибалтийских государствах. Вместе с тем, до сих пор многие опубликованные в нем документы не нашли отражения в исследованиях и не получили должной оценки. В сборнике «1940 год в Эстонии. Документы и материалы»[35], подготовленном коллективом эстонских авторов, представлены лишь некоторые документы о пребывании советских войск и сил флота в Эстонии. В сборнике «Прибалтика и геополитика»[47], подготовленном специалистами Службы внешней разведки Российской Федерации, содержатся рассекреченные документы внешней разведки, относящиеся к событиям вокруг Прибалтики в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны, а также и в послевоенный период. Они освещают эволюцию в подходах государственных деятелей ведущих стран антигитлеровской коалиции к оценке важности этого региона для безопасности. Публикуемые в сборнике материалы полезны с точки зрения более глубокого понимания геополитических и военно-стратегических реалий того времени. В подготовленном литовскими и российскими учеными сборнике «СССР и Литва в годы Второй мировой войны» (том I - «СССР и Литовская Республика: март 1939–август 1940 гг.»)[48] представлены документы, дополняющие материалы в ранее опубликованных сборниках. Нельзя не отметить, что содержащиеся во вводной статье сборника оценки деятельности советского руководства по обеспечению безопасности СССР в Балтийском регионе носят дискуссионный характер и подтверждают необходимость проведения исследования по научной проблеме, заявленной автором.

Полезным для изучения представленной проблематики является сборник, изданный Европейским университетом в Таллине в 1999 г. В него частично вошли материалы, опубликованные в вышеуказанных сборниках, а также документы (тексты договоров, правительственных распоряжений, протоколы межправительственных переговоров о правилах пребывания советских войск и дополнительных условиях их размещения, документы, освещающие обстановку в Эстонии накануне советского ультиматума июня 1940 г., ввод дополнительного контингента советских войск, а также частично дипломатическая переписка и ряд публикаций печати) о событиях 1939 и 1940 гг. в Эстонии. В книге опубликован также ряд современных публицистических сочинений, отражающих противоположные точки зрения на проблему вхождения Эстонии в состав СССР в 1940 г. В него вошли также материалы, исключительно односторонне оценивающие т.н. «последствия советизации», а также публицистические рассуждения о причинах отчуждения в отношениях между русской и эстонской общинами. Интерес для исследования проблемы представляют сборники документов и материалов о событиях предвоенного периода изданные в 1970–1980 гг. и некоторые другие; Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1–7. М., 1969–1973[41]; Документы по истории Мюнхенского сговора. 1937–1938. М., 1971[40]. Но в силу установок того времени, в этих публикациях весьма скупо отражены материалы, освещающие выполнение положений пактов прибалтийскими государствами. Помимо опубликованных документов, большой интерес представляют мемуары К.А. Мерецкова[44], бывшего в период 1939–1940 гг. командующим войсками ЛенВО. Наибольший интерес представляют мемуары С.И. Кабанова «На дальних подступах»[42]. В них автор, отвечавший за организацию береговой обороны Балтийского района и советской военно-морской базы в Палдиски, а затем командовавший базой в Ханко, в хронологической последовательности и очень детально осветил проблемы того периода.

Научный интерес представляют воспоминания И.М. Майского[43], который занимался в рассматриваемый период пост полномочного представителя СССР в Великобритании, в которых автор подробно раскрывает развитие отношений между двумя странами и подходы их руководителей к решению проблем, направленных на обеспечение их безопасности. Определенный интерес представляют материалы периодической печати (законодательные, нормативно-правовые и информационно-повествовательные), например: выступления и интервью советских руководителей – «Интервью главы советской военной миссии К.Е. Ворошилова о переговорах с военными миссиями Англии и Франции», опубликованное 27 августа 1939 г. в газете «Правда»; «Выступление тов. Молотова на заседании Верховного Совета Союза ССР 31 августа 1939 г., на внеочередной IV сессии Верховного Совета СССР “О ратификации советско-германского договора о ненападении”», опубликованное 1 сентября 1939 г. в газете «Известия»; выступления руководителей и документы Прибалтийских государств – «Речь президента Эстонии К. Пятса», опубликованная 2 октября 1939 г. в газете «Известия»; «Выступление президента Литвы А. Сметоны», опубликованное 6 октября 1939 г. в газете «Известия»; декларация сейма Латвии о вступлении в состав СССР, опубликованная 17 июня 1940 г. в газете «Известия» и некоторые другие материалы.

Хронологические рамки: Мы начинаем исследовать расширение Западных границ СССР с заключения договора о ненападении между Советским Союзом и Германией и секретным дополнительным протоколом к нему от 1939 г. и заканчиваем исследование вводом войск в Бессарабию 3 июля 1940 г. Начальная дата обуславливает предпосылки для вхождения новых республик в состав СССР. Несмотря на то, что пакт Молотов-Риббентроп не предполагал однозначного включения разграниченных сфер в состав СССР или Германии, но он предполагал, что обе стороны не будут вмешиваться на территорию другого контрагента, а ввиду занятости

Западных держав на театре военных действий против Германии, повлиять на решения руководства СССР они не могли. Заканчивается наше исследование включением Бессарабии в состав СССР, так как эта республика последней была включена в число республик Советского Союза перед ВОВ. При этом отметим, что в работе возможны отсылки к более ранним событиям на международной арене, для того, чтобы объяснить политику СССР, так мы считаем необходимым провести обзорно рассмотреть Мюнхенские соглашения, чтобы объяснить, почему СССР пошел на заключение договора с Германией.

Территориальные рамки: в рамках выбранной темы мы рассматриваем территорию Восточной и Западной Европы, а именно территории СССР, Германии, Польши, Финляндии, Литвы, Латвии, Эстонии и Румынии в 1939-1940 гг.

Методы нашего исследования представлены классическим синтезом и анализом. Мы рассматриваем включение новых республик в начале второй мировой войны в состав СССР не как случайное совпадение исторических реалий, а как следствие сложной международной обстановки, на которую в том числе повлиял секретный протокол договора о ненападении между СССР и Германией. Если для некоторых республик таких как Карело- Финская ССР, Бессарабская ССР симптоматичным было наличие военного давления и в той или иной мере агрессия, прикрытая советскими идеологическими лозунгами, то в случае с Прибалтикой процесс включения проходил в более мягкой форме, но при этом военное присутствие так же имело место. Проанализировав механизмы включения новых республик, мы находим новую возможность выделить схожие принципы действий советского руководства в одних случаях (Польша, Финляндия), и совершенно различные в других (Прибалтика и Бессарабия). При этом следует отметить, что мы анализируем и деятельность руководства каждой отдельно взятой республики.

Структура работы: работа состоит из введения, трех глав и заключения. Первая глава посвящена Восточно-европейской политике СССР в 1939 г., где рассматриваются Советско-Германские договоренности и поход на Польшу. Во второй главе раскрывается суть отношений между СССР и странами Прибалтики. Большую важность имела советско-финская война, именуемая в отечественной историографии как «Зимняя». Третья глава посвящена включению в состав СССР Бессарабии и Буковины.

Глава 1. Вхождение в состав СССР Западной Украины, Западной Белоруссии Польши

1.1 Вторжение СССР в Польшу

Мюнхенское соглашение 1938 года по сути разрушило надежды советского руководства на реализацию планов коллективного отпора агрессии Германии и поставило его перед фактом международной изоляции в условиях нарастающей угрозы его западным границам. В этих условиях огромное значение для СССР приобрела позиция в потенциальном конфликте пограничных для него Польши и Румынии. Однако ни Будапешт Варшава, ни Варшава не желали идти на сближение с СССР как в экономическом, так и политическом и в военном отношениях. Советское руководство, вплоть до заключения договора с Германией 23 августа 1939 года, не было абсолютно точно уверено в том, что после Мюнхенского сговора не последует польско-германское соглашение в военной области.

Действия СССР в сентябре 1939 г. в отношении Польши оцениваются в отечественной историографии противоречиво. Некоторые авторы полагают, что они были predetermined договоренностью с Германией о разделе сфер интересов в Восточной Европе [23]. По мнению других, успешные действия вермахта в Польше и ее быстрый разгром оказались неожиданностью для советского руководства, которое было вынуждено предпринимать ответные меры [32]. Возросла угроза русским границам, возникли озабоченности, что Германия не будет исполнять пакт, и поэтому СССР обещал использовать войска. Правда, данные творцы не поясняют, почему в этом случае германское начальство так упрямо звало СССР оккупировать Восточную Польшу. По мнению М.И. Семиряги, затяжка с вступлением Красной Армии в Польшу была связана с необходимостью психологической подготовки населения, опасениями столкновения с Англией и Францией, необходимостью успокоить мировое общественное мнение и ожиданием падения Варшавы. В

советской прессе, отмечает создатель, была развернута антипольская кампания, польские дипломаты в СССР стали объектом пристального наблюдения НКВД и 17 сентября подвергались репрессиям. По мнению некоторых авторов, 17 сентября 1939 г. Советский Союз нарушил все свои договоры с Польшей и совершил против нее агрессию [18]. Указывая на военное сотрудничество вермахта и Красной Армии в Польше, ряд авторов делает вывод, что 17 сентября 1939 г. Советский Союз фактически вступил во Вторую мировую войну на стороне Германии [4]. Обоснован ли этот вывод, мы увидим, рассмотрев дальнейшие события.

Давайте рассмотрим события более детально. К 16 сентября немецкие войска заняли Брестскую крепость и вышли на линию Осовец - Белосток - Бельск - Каменец - Литовск - Влодава - Владимир-Волынский - Замосць - Львов - Самбор, на расстояние около 200 км от советской границы. Варшава была окружена, польское правительство и ставка верховного главнокомандующего маршала Эдварда Рыдз-Смиглы были перенесены в Коломью, около польско-румынской границы. Польские дивизии, находившиеся на границе с СССР, были переброшены на запад для усиления польско-германского фронта. В 2 часа ночи с 16 на 17 сентября Сталин вызвал Шуленбурга и сказал ему, что «Красная Армия пересечёт советскую границу в 6 утра... Русские самолёты сейчас начнут бомбить районы к востоку от Львова». В 3 часа ночи замнаркома иностранных дел В. П. Потёмкин прочитал польскому послу в Столице В. Гжибовскому ноту, в которой было заявлено, что война выявила внутреннюю несостоятельность Польши и что к реальному времени польское правительство бежало, войска не оказывают сопротивления, а это означает остановка воздействия уговоров между Польшей и СССР. Гжибовский категорически отказался принять ноту: «Ни 1 из аргументов, использованных для оправдания превращения польско-советских договоров в пустые бумажки, не выдерживает критики. По моей информации, глава страны и правительство находятся на польской местности. Суверенность

страны присутствует, покада бойцы регулярной армии бьются. Тогда, что нота заявляет о положении меньшинств является бессмыслицей. Все меньшинства подтверждают действием собственную полную солидарность с Польшей в борьбе с германщиной. Наполеон зашел в Москву, но, покада существовали армии Кутузова, считалось, что Россия также существует».

В 5.00 17 сентября передовые и штурмовые подразделения русских армий и пограничных войск перешли границу и разгромили польскую пограничную службу охраны. Переход границы доказал данные русской разведки о неимении существенных группировок польских войск, что разрешило ускорить наступление. Невзирая на трудности со снабжением войск из-за неразвернутых тыловых частей, утром 18 сентября войска армии продолжили наступление, и к исходу дня подвижная группа заняла Свенцяны, 25-я танковая бригада достигла района Годуцишек, а 27-я стрелковая дивизия вышла в район озер Мядель и Нарочь.

Южнее войска продвинулись до Воложина и Константиновки, подошли к Красному и передовыми частями заняли Молодечно. Стрелковые дивизии 3-й армии вслед за подвижными частями продвигались к линии латвийской и литовской границ. 19 сентября мотомеханизированная группа 16-го стрелкового корпуса 11-й армии заняла Лиду.

К исходу 17 сентября 6-й кавкорпус форсировал реку. Ушу, а 5-й стрелковый корпус вышел на линию железной дороги Барановичи - Столбцы. 15-й танковый корпус 20 сентября занял Волковыск, откуда танковые бригады сообща с 4-й кавдивизией были направлены на Гродно и уже к вечеру заняли южную часть города. В городе разгорелись бои с польскими частями и ополченцами, которые продолжались весь день 21 сентября. В это время 2-я танковая бригада заняла Сокулку, а ее передовой отряд, обходя Гродно, двинулся на Августов. 11-я кавдивизия и 5-й стрелковый корпус продвигались на запад и юго-запад от Волковыска. С 18 сентября границу перешли войска 10-й армии, которые к исходу дня достигли рек Неман и

Уша. Продолжая медленное продвижение во втором эшелоне Белорусского фронта, войска армии к исходу 20 сентября вышли на рубеж Новоградок - Городище. Южнее войска 23-го стрелкового корпуса перешли границу в 16.25 18 сентября и к исходу 20 сентября продвинулись западнее Лунинца.

17 сентября войска Украинского фронта тоже перешли польскую границу и начали продвигаться вглубь Польши. 18 сентября 36-я танковая бригада 5-й армии заняла Луцк, а стрелковые дивизии достигли линии Рокитное Костополь - Ровно - Дубно. 60-я стрелковая дивизия 21 сентября после упорных боев прорвала Сарненский УР и заняла г. Сарны. К исходу 22 сентября на рубеж Ковель - Рожице - Владимир-Волынский Иваничи вышли войска 5-й армии.

В 4.00 17 сентября в полосе 6-й армии штурмовая группа пограничников и красноармейцев захватила Волочиский пограничный мост, по которому позже пошли войска. Вечером 17 сентября был занят Тарнополь и войска начали продвижение к Львову, который 12-18 сентября был охвачен вермахтом с севера, запада и юга. Передовой отряд 24-й танковой бригады вступил в город в 1.35 19 сентября, и после переговоров началась перестрелка с поляками. Около 8.00 на восточной окраине Львова советское подразделение столкнулось с частью вермахта, которая огибала город с юго-востока. Обе стороны решили, что перед ними поляки, и открыли огонь. В ходе стрельбы немцы потеряли 3 противотанковых орудия, 3 человек убитыми и 9 ранеными, а русские части лишились 1 танка, 2 бронемашин, были убиты 3 и были ранены 4 бойца. Разобравшись в ситуации, стороны начали переговоры, в процессе которых требовали друг от друга отвести войска от города и не препятствовать его штурму. К вечеру 20 сентября германские войска получили приказ отойти от Львова, и ночью на 21 сентября советские войска заняли исходные позиции для атаки города, назначенной на 14.00 21 сентября. Но поляки предложили переговоры, и атака была приостановлена на день. Тем временем 14-я кавдивизия заняла северное предместье города, ну а в 8.00 22 сентября польский командующий

генерал Лянгнер поставил свою подпись в акт о сдаче города, и в 14.00 22 сентября Красная Армия заняла Львов.

В 5.00 17 сентября войска 12-й армии перешли границу и к исходу 18 сентября вышли на фронт Подгайцы - Монастыриска, а 13-й стрелковый корпус занял Коломью, отрезав Польшу от Румынии. 19 сентября войска армии вели бои с польскими войсками у Галича и заняли Станиславов. 20 сентября в районе Стрия войска вошли в контакт с германцами, которые 22 сентября передали город Красной Армии. С 21 сентября советские войска 13-го стрелкового корпуса были развернуты вдоль границы с Румынией и Венгрией от Коломьи до Бескид.

Незамедлительно же после вступления Красной Армии в Польшу в Столице стартовал новый тур дипломатических переговоров с Германией. Уже вечером 18 сентября в разговоре с Шуленбургом, Сталин неожиданно заявил, что "у русской стороны есть определенные сомнения относительно того, будет ли германское верховное командование придерживаться Московского соглашения в соответствующее время и вернется ли на линию, которая была определена в Москве". Шуленбург дал ответ, что "Германия, конечно же, твердо намерена выполнять условия Московских соглашений". На это Сталин сказал, что "он не сомневается в добрых намерениях германского правительства. Его беспокойство было основано на том хорошо известном факте, что все военные ненавидят возвращать захваченные территории". Германские дипломаты категорически отвергли его опасения и сказали, что вермахт подчиняется распоряжениям фюрера и все соглашения с Москвой будут неукоснительно соблюдаться.

19 сентября было опубликовано советско-германское коммюнике: "Во избежание всякого рода необоснованных слухов насчет задач советских и германских войск, действующих в Польше, правительство СССР и правительство Германии заявляют, что действия этих войск не преследуют какой-либо цели, идущей вразрез интересов Германии или Советского Союза и противоречащей духу и букве пакта о ненападении, заключенного между

Германией и СССР. Задача этих войск, наоборот, состоит в том, чтобы восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенные распадом польского государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования» [7].

Вечером 19 сентября Молотов вызвал Шуленбурга и заявил ему, что "начальник оперативного отдела вермахта Варлимонт показал вчера исполняющему обязанности советского военного атташе в Берлине карту, на которой нанесена будущая "граница рейха". Она проходит вдоль Вислы, идет через Варшаву, но дальше нанесена так, что Львов остается на немецкой стороне". Это противоречит московским соглашениям и вызывает удивление советского правительства. Шуленбург ответил, что произошло недоразумение, так как на карте, видимо, была показана временная демаркационная линия, тем не менее он запросил в Берлине инструкций. В тот же день Молотов заявил Шуленбургу, что обоим правительствам пора окончательно определить структуру польских территорий. Если раньше советское правительство предполагало сохранить существование остатков Польши, то теперь оно готово разделить Польшу по линии четырех рек. "Советское правительство желает немедленно начать переговоры по этому вопросу и провести их в Москве, поскольку такие переговоры с советской стороны обязаны вести лица, наделенные высшей властью, не могущие покинуть Советский Союз» [27].

В 10.30 21 сентября в штабы Белорусского и Украинского фронтов поступило приказание наркома обороны № 16693, требовавшее остановить войска на линии, достигнутой передовыми частями к 20.00 20 сентября. Перед войсками ставилась задача подтянуть отставшие части и тылы, наладить устойчивую взаимосвязь, находиться в состоянии абсолютной боеготовности, быть бдительными и принять меры для охраны тылов и штабов. Помимо того, командованию Белорусского фронта разрешалось продолжить наступление в Сувалкском выступе. В 22.15 21 сентября в штабы Белорусского и Украинского фронтов поступил приказ наркома обороны №

156, в котором излагалось содержание советско-германского протокола . На следующий день Военный совет Белорусского фронта дал соответствующий приказ № 05.

Ночью 22 сентября польские защитники Гродно покинули город, утром он был занят советскими частями Красной Армии. На южном участке фронта войска 4-й армии приняли у немцев Брест, в котором состоялся хорошо известный парад советских и германских войск, промаршировавших перед трибуной, на которой рядом стояли генерал Г. Гудериан и комбриг С.М. Кривошеин (будущий Герой Советского Союза, дошедший до Берлина). 23 сентября части 27-й танковой бригады заняли Сувалки. 11-я армия начала передислокацию вдоль литовской границы к Гродно, а 10-я армия продолжала продвижение на запад во втором эшелоне фронта. 25 сентября войска получили директиву наркома обороны № 011 и приказ Военного совета Белорусского фронта № 06, предупреждавшие, что "при движении армии с достигнутого рубежа Августов - Белосток Брест-Литовск на запад на территории, оставляемой Германской армией, возможно, что поляки будут рассыпавшиеся части собирать в отряды и банды, которые совместно с польскими войсками, действующими под Варшавой, могут оказать нам упорное сопротивление и местами наносить контрудары» [14].

По согласованию с немецким командованием войска Белорусского фронта планомерно продвигались на запад. К 26-27 сентября войска 3-й и 11-й армий закрепились на границе с Литвой и Восточной Пруссией до Щучина.

1.2 Советско-германские переговоры

Тем временем 23 сентября Риббентроп сообщил в Москву о готовности прибыть на переговоры и запросил удобное для этого время. Советское правительство предложило 27-28 сентября, и, учитывая настроения правящих кругов Англии и Франции относительно "линии Керзона", уже вечером 25 сентября Сталин и Молотов передали Шуленбургу предложение обсудить на будущих переговорах передачу в советскую сферу интересов Литву, а взамен они были готовы отказаться от части Варшавского и Люблинского воеводств до Буга. Сталин сказал, что если немцы согласны на это, то "СССР немедленно возьмется за решение проблемы прибалтийских государств, в соответствии с протоколом от 23 августа, и ожидает в этом деле полную поддержку со стороны германского правительства» [33].

В 18.00 27 сентября в Москву прибыл Риббентроп. Первая беседа с Молотовым проходила с 22.00 до 1.00 в присутствии Сталина, Шуленбурга и Шкварцева. В ходе переговоров по вопросу окончательного начертания границы на территории Польши Риббентроп, ссылаясь на то, что Польша была "полностью разбита немецкими вооруженными силами", стремился сохранить за Германией районы нефтедобычи в верховьях р. Сан и лесные массивы у Августова и Белостока. Сославшись на опасность разделения польского населения, что могло породить волнения и создать угрозу обеим государствам, Сталин предложил оставить территорию этнографической Польши в руках Германии. Относительно германских пожеланий об изменении линии государственных интересов на юге и севере, Сталин, отведя их, предложил в качестве компенсации поставлять Германии до 500 тыс. тонн нефти в обмен на поставки угля и стальных труб. В итоге территориальный вопрос свелся к двум вариантам. Согласно первому, все оставалось как было решено 23 августа. Согласно второму, Германия уступала Литву и получала за это области восточнее Вислы до Буга и Сувалки без Августова. Кроме того, Риббентроп настаивал на передаче

Германии части территории Литвы в районе Мариамполь [17].

На следующий день с 15 до 18.30 была проведена вторая беседа в Кремле, в ходе которой выяснилось, что Гитлер в целом одобрил второй вариант решения территориального вопроса. После этого с 24.00 до 5.00 29 сентября велось конкретное обсуждение линии проведения границы. Советская сторона отказалась от территории в междуречье Нарева и Буга восточнее линии Остров - Остро-ленка, а германская чуть передвинула границу на север в районе Равы-Русской и Любачува. Долгая дискуссия вокруг Перемышля не привела к каким-либо результатам, и город остался разделенным на две части по р. Сан. В итоге была согласована "граница между обоюдными государственными интересами на территории бывшего Польского государства"[Приложение 2], которая закреплялась в германо-советском договоре о дружбе и границе. Эта граница признавалась окончательной, и отвергалось вмешательство третьих держав в это решение; стороны должны были заняться государственным переустройством присоединенных территорий и рассматривали это переустройство как "надежный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между своими народами" [44].

Кроме договора были подписаны конфиденциальный протокол о переселении немцев, проживающих в сфере советских интересов, в Германию, а украинцев и белорусов, проживающих в сфере германских интересов, в СССР, и два секретных дополнительных протокола. В одном из них стороны брали на себя обязательства не допускать "никакой польской агитации" и сотрудничать в деле пресечения подобной агитации.

28 сентября оба правительства сделали совместное заявление: "После того как Германское Правительство и Правительство СССР подписанным сегодня договором окончательно урегулировали вопросы, возникшие в результате распада Польского государства, и тем самым создали прочный фундамент для длительного мира в Восточной Европе, они в обоюдном согласии выражают мнение, что ликвидация настоящей войны между

Германией, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой стороны, отвечала бы интересам всех народов. Поэтому оба Правительства направят свои общие усилия, в случае нужды в согласии с другими дружественными державами, чтобы возможно скорее достигнуть этой цели. Если, однако, эти усилия обоих Правительств останутся безуспешными, то таким образом будет установлен факт, что Англия и Франция несут ответственность за продолжение войны, причем в случае продолжения войны Правительства Германии и СССР будут консультироваться друг с другом о необходимых мерах". Германское руководство стремилось этим заявлением продемонстрировать советско-германскую "дружбу", оказать давление на Англию и Францию и принудить их прекратить войну, хотя было ясно, что консультации никого ни к чему не обязывают. Кроме того, Риббентроп и Молотов обменялись письмами по экономическим вопросам [33]. В 12.40 29 сентября Риббентроп вылетел в Берлин.

. В качестве положительных последствий договора многие авторы называют установление границы по "линии Керзона", получение СССР Западной Украины и Западной Белоруссии, свободы рук в Прибалтике и создание предела германской экспансии на Востоке Европы .

Новая советско-германская договоренность была тут же доведена до войск, действующих в Польше.

Заключение советско-германского договора о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. и новое военно-политическое положение в Восточной Европе привело к новым оценкам обстановки личным составом Красной Армии. Шок от событий 17 сентября уже прошел, и теперь в среде военнослужащих стали раздаваться совершенно другие голоса. Ожидая сведений о переговорах в Москве, бойцы высказывали следующие мысли: "жаль, если придется возвращаться - хочется идти вперед", "что будет с населением, если мы оставим эти районы", "неужели придется опять отходить к Бугу. Трудящиеся опять будут под гнетом помещиков и капиталистов и над ними будет фашистская расправа", "Варшава раньше принадлежала

России и надо взять ее". Местное население в подавляющем большинстве воспринимало Красную Армию как свою освободительницу и надеялось на включение в СССР. Узнав, что скоро советские войска будут отведены на восток, местные жители западного берега Буга выражали "исключительное сожаление по поводу оставления Красной армией занятых населенных пунктов", просили: "Дорогие товарищи, вы от нас не уходите навсегда, мы сделаем все для того, чтобы вы были скоро у нас обратно". Уже с 30 сентября местные жители задавали вопросы о возможности эвакуироваться в Советский Союз. Всего только в полосах 5-й и 6-й армий было эвакуировано почти 42 тыс. человек, однако среди польского населения 28 человек изъявили желание уйти на западный берег Буга .

До 5 октября советские войска занимались эвакуацией трофеев с территории, расположенной западнее установленной линии. К сожалению, общие размеры этих трофеев неизвестны[19].

С 5 по 12 октября советские войска были отведены за линию новой границы. К вечеру 13 октября германские войска вышли к демаркационной линии на всем ее протяжении.

Большая часть оказавшихся в советском плену польских военнослужащих была сразу же распущена по домам. В лагерях НКВД оказались 125 803 человека, что привело к значительной перегруженности лагерей. На основании решения Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 3 октября было решено распустить по домам оставшийся рядовой состав. К 19 октября по месту жительства было отправлено 40 769 человек. В 1939-1941 гг. было передано Германии 43 054 человека, а немцы передали СССР 13 575 человек. Когда выяснилось, что пленных польских офицеров в подавляющем большинстве невозможно использовать в интересах СССР, 15 131 человек (в основном офицеры и полицейские) были расстреляны весной 1940 г. В ходе Польской кампании в Красной Армии имели место факты самоуправства, мародерства, самосуда, реквизиций и т.п. преступлений, которые, как правило, пресекались командованием.

Подводя итоги Польской кампании, Молотов заявил на сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г., что "правлящие круги Польши не мало кичились "прочностью" своего государства и "мощью" своей армии. Однако оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем - Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора".

Польское государство временно прекратило свое существование. Несмотря на поражение армии, часть народа Польши не прекратила сопротивления. В Лондоне было создано польское правительство в изгнании, военнослужащие польской армии влились в ряды армий ряда государств, была создана разветвленная сеть подпольных ячеек сопротивления.

СССР передвинул свою границу на запад, объединив почти все этнически белорусские и украинские территории. Советская историография оправдывала действия СССР тем, что перенос границы на запад впоследствии, сыграл значительную роль в ходе Великой Отечественной Войны, германским войскам завершить наступление на Москву до наступления холодов и привело к поражению немцев в сражение под Москвой.

Глава 2. Присоединение Прибалтики и Финляндии

2.1 Политика СССР в отношении Литвы, Латвии и Эстонии

Прибалтийские государства в период между двумя мировыми войнами стали объектом борьбы великих европейских держав за влияние в регионе. В первое десятилетие после поражения Германии в Первой мировой войне в прибалтийских государствах существовало сильное влияние Англии и Франции, которому впоследствии, с началом 1930-х годов, стало мешать усиливающееся влияние соседней Германии. Ему, в свою очередь, пыталось противостоять советское руководство. К концу 1930-х Третий рейх и СССР стали фактически основными соперниками в борьбе за влияние в Прибалтике.

На XVII съезде ВКП (б), оценивая резко обострившиеся отношения между капиталистическими странами, Кремль пришел к выводу о неизбежности военного столкновения между ними, поэтому СССР начал предпринимать решительные шаги, направленные на преграждение пути агрессии и обеспечение мира в Европе. Он настойчиво боролся в Лиге наций за сохранение и укрепление коллективной безопасности. С этой же целью Советский Союз еще в 1935 г. заключил договоры о взаимопомощи с Францией и Чехословакией. Эти соглашения с двумя крупными государствами, расположенными в центре Европы, могли послужить прочным фундаментом для создания коллективной безопасности и предотвращения войны на Европейском континенте. Однако мюнхенская сделка показала враждебную по отношению к СССР позицию правительств Франции и Чехословакии, отказавшихся от военной помощи, предложенной им Советским правительством в соответствии с взятыми им на себя обязательствами [39].

Весной — летом 1939 года СССР вёл переговоры с Англией и Францией о совместном предотвращении итало-немецкой агрессии против европейских стран и 17 апреля 1939 предложил Англии и Франции взять на себя обязательства оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь восточноевропейским странам, расположенным между Балтийским и Чёрным морями и граничащим с Советским Союзом, а также заключить сроком на 5—10 лет соглашение о взаимопомощи, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривавшихся государств (СССР, Англии и Франции) [39].

В ходе обсуждения вопросов о гарантиях прибалтийским странам и "косвенной агрессии" советское руководство убедилось, что Англия и Франция не пойдут на удовлетворение советских требований в отношении Прибалтики. Не желая связывать себе руки, в условиях отказа Франции и Англии от подобной уступки советское руководство [29] вступило в переговоры с Германией, достижение договоренности с которой позволяло добиться усиления советского влияния в Прибалтике. По мнению Черчилля, «Препятствием к заключению такого соглашения (с СССР) служил ужас, который эти самые пограничные государства испытывали перед советской помощью в виде советских армий, которые могли пройти через их территории, чтобы защитить их от немцев и попутно включить в советско-коммунистическую систему. Ведь они были самыми яростными противниками этой системы. Польша, Румыния, Финляндия и три прибалтийских государства не знали, чего они больше боялись, — германской агрессии или русского спасения» [45].

В июне 1939 года Эстония и Латвия заключили с Германией договора о ненападении (с СССР обе страны заключили договора о ненападении ещё в 1932 году). Черчилль сказал по этому поводу: «Таким образом, Гитлеру удалось без труда проникнуть в глубь слабой обороны запоздалой и нерешительной коалиции, направленной против него» [45].

В этой ситуации одновременно с проведением переговоров с Великобританией и Францией, Советский Союз летом 1939 года активизировал шаги к сближению с Германией.

В ходе советско-германских переговоров 23 августа 1939 г. в Москве германское предложение о разделе Прибалтики на сферы интересов по линии реки Даугава натолкнулось на жесткое советское требование о признании всей Латвии зоной советских интересов. Германское руководство, слишком заинтересованное в нейтрализации СССР в предстоящей войне с Польшей, было вынуждено пойти на удовлетворение советских претензий в Прибалтике. Хотя первоначально Германия намеревалась превратить Литву в свой протекторат [21]. Также интересен факт, что в секретном дополнительном протоколе к советско-германскому пакту о ненападении было записано: "В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия и Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами». Тем самым СССР добился признания своего преимущественного влияния в Эстонии и Латвии, хотя, конечно, реализовать эту договоренность можно было лишь в определенных условиях.

Сегодня в отечественной историографии идет спор о заключении договоров о взаимопомощи между СССР и прибалтийскими странами. Сторонники официальной версии продолжали утверждать, что с началом Второй мировой войны в этих [14] странах обострилась классовая борьба, возросла угроза их захвата Германией, а следовательно, им не оставалось другого выхода кроме заключения договоров о взаимопомощи с СССР, на которые их правительства пошли под давлением населения[31]. Как правило, отвергается всякая связь этих договоров с советско-германской договоренностью о разделе сфер интересов в Восточной Европе [23]. Лишь

А.С. Орлов отмечает, что по договору от 28 сентября 1939 г. СССР получил свободу рук в отношении Прибалтики, и, для того чтобы создать предполье, обезопасить себя от вторжения Германии и задержать вермахт вдали от своих границ, заключил с прибалтийскими государствами договоры о взаимопомощи [23]. Сами договоры оцениваются как вполне законные (что это означает, похоже, не ясно самим авторам) и выгодные обеим сторонам [6]. Но есть и более критические оценки, согласно которым советско-германские договоренности предопределили судьбу стран Прибалтики и положили конец их независимости; переговоры велись советской стороной с позиции силы под угрозой военного вторжения, что и привело к подписанию договоров о взаимопомощи [10]. Чья же точка зрения наиболее убедительна? Для ответа на этот вопрос подробно рассмотрим ход событий.

В Прибалтике начало войны в Европе усилило опасения быть втянутыми в события. 17 сентября СССР ввёл войска в Польшу, объявив советско-польский договор о ненападении от 25 июля 1932 года утратившим силу. В тот же день государствам, состоявшим в дипломатических отношениях с СССР (в том числе прибалтийским), была вручена советская нота о том, что «в отношениях с ними СССР будет проводить политику нейтралитета». Одновременно эти страны стали рассматривать возможность экономического сближения с СССР, предложив, со своей стороны, переговоры о расширении товарооборота, что было положительно оценено Москвой. Появившиеся слухи о советско-германском разделе Прибалтики вызвали озабоченность у руководства этих стран, которое обратилось за разъяснениями в дипломатические представительства Германии и СССР. Дипломаты обеих стран сделали ряд общих заявлений, более или менее уверенно отрицая наличие такой договоренности. В частности, советские полпреды ссылались "на выступления руководства и печати Советского Союза, на мирные традиции нашей внешней политики, на постоянное стремление Советского Союза помочь малым странам сохранить свое

самостоятельное и независимое существование"[46]. В прибалтийских странах наблюдались противоречивые настроения: часть правящих и состоятельных кругов была согласна продолжать сближение с Германией, значительная часть населения придерживалась антигерманской ориентации и видела реальную возможность для сохранения национального существования в опоре на СССР, а часть левых кругов не исключала возможности присоединения к Советскому Союзу.

2.2 Конфликт с Эстонией

Прибалтийские страны надеялись оказаться в стороне от конфликта, но произошел ряд инцидентов - одним из них стал заход 15 сентября польской подводной лодки «Ожел» в Таллинский порт, где она была интернирована по требованию Германии эстонскими властями, которые начали демонтаж её вооружения. Однако в ночь на 18 сентября экипаж подлодки разоружил охранников и вывел её в море, при этом на борту оставались шесть торпед. Советский Союз заявил, что Эстония нарушила нейтралитет, предоставив убежище и помощь польской подводной лодке.

19 сентября В.М. Молотов заявил эстонскому посланнику, что СССР возлагает ответственность за это происшествие на Эстонию, и советский Краснознаменный Балтийский флот (КБФ) будет искать эту лодку по всему Финскому заливу. Тем самым была установлена морская блокада, сопровождавшаяся вторжением советских кораблей в территориальные воды Эстонии и обстрелом ее побережья. 24 сентября для подписания договора о торговле эстонский министр иностранных дел К. Сельтер выехал в Москву, где в 21 час начались его переговоры с Молотовым. От обсуждения экономических проблем Молотов перешел к проблемам взаимной безопасности и предложил "заключить военный союз или договор о взаимной помощи, который вместе с тем обеспечивал бы Советскому Союзу права иметь на территории Эстонии опорные пункты или базы для флота и авиации". Сельтер пытался уклониться от обсуждения договора, ссылаясь на нейтралитет, но Молотов заявил, что "Советскому Союзу требуется расширение системы своей безопасности, для чего ему необходим выход в Балтийское море. Если Вы не пожелаете заключить с нами пакт о взаимопомощи, то нам придется искать для гарантирования своей безопасности другие пути, может быть, более крутые, может быть, более

сложные. Прошу Вас, не принуждайте нас применять силу в отношении Эстонии" [19].

Вернувшись 25 сентября в Таллин, Сельтер информировал о советских предложениях германского посланника и попытался получить поддержку Финляндии и Латвии, которые решили не вмешиваться, а Германия посоветовала удовлетворить советские требования [25].

Тем временем на границе Эстонии и Латвии создавалась советская военная группировка. С 25 сентября начались разведывательные полеты советских самолетов над Эстонией.

Затем советским войскам была поставлена задача "нанести мощный и решительный удар по эстонским войскам [10].

Со своей стороны, эстонская армия также провела ряд мероприятий на случай войны, завершив к 27 сентября все предмобилизационные приготовления. Оказавшись перед дилеммой: договор или война, эстонское руководство в итоге сделало выбор в пользу соглашения, и 27 сентября эстонская делегация вновь вылетела в Москву. В тот же день в газете "Известия" появилась официальная информация о советско-эстонских переговорах, а советское радио сообщило о потоплении в Финском заливе неизвестной подводной лодкой советского судна "Металлист". В ходе начавшихся в 20.30 27 сентября переговоров Молотов, ссылаясь на потопление "Металлиста", выдвинул требование в течение нынешней войны в Европе держать в разных местах Эстонии 35-тысячный гарнизон советских войск. Эстонская делегация отказалась, и тогда в переговорах принял участие Сталин, который назвал цифру в 25 тыс. человек минимально необходимой, используя в качестве аргумента следующее соображение: "Не должно быть слишком мало войск — окружите и уничтожите". В ответ Сельтер, отстаивавший цифру в 15 тыс. человек, заявил: "Это оскорбительно. Мы

закключаем союзный договор, а Вы говорите так, будто мы злейшие враги, которые все время должны опасаться нападения друг друга".

Выработка договора и споры о местах базирования советского флота в Эстонии продолжились на следующий день, и поздно вечером 28 сентября договор о взаимопомощи сроком на 10 лет, предусматривавший ввод 25 тыс. контингента советских войск, был согласован и подписан. После обмена ратификационными грамотами 4 октября 1939г. он вступил в силу. Одновременно было подписано Соглашение о торговом обороте между СССР и Эстонией на период с 1 октября 1939 г. до 31 декабря 1940 г. Сталин добродушно "поздравил" Сельтера: "Могу Вам сказать, что правительство Эстонии действовало мудро и на пользу эстонскому народу, заключив соглашение с Советским Союзом. С Вами могло бы получиться как с Польшей" [25].

Интересно отметить, что сведения о советском военном давлении на Эстонию были известны уже в то время. Так, преподаватель Военно-медицинского училища батальонный комиссар Г.М. Иконников, читая в начале 1940 г. лекции студентам 5-го курса Ленинградского автодорожного института, излагал эти события следующим образом: "На Эстонию с нашей стороны был оказан военный нажим с предоставлением несколько-часового ультиматума, что если не примет предложение Советского правительства, то по истечении установленного срока наша Красная Армия оккупирует эстонскую территорию. После такого ультиматума министр иностранных дел Эстонии Сельтер прилетел на самолете в Москву для подписания пакта. Ввод наших частей Красной Армии в Прибалтийские государства аналогичен такому примеру, как пустить приятеля в свою квартиру, который сначала заняв одну комнату, затем захватит всю квартиру и выживет из нее самого хозяина". За подобную информацию Иконников был 24 марта 1940г. исключен из членов ВКП(б), а его делом занялся Особый отдел ГУГБ НКВД.

Любопытно, что эта оценка будущих последствий ввода Красной Армии в Прибалтику не сильно расходилась с ныне известным мнением Сталина, высказанным 25 октября 1939г. секретарю ИККИ Г. Димитрову: "Мы думаем, что в пактах о взаимопомощи (Эстония, Латвия и Литва) нашли ту форму, которая позволит нам поставить в орбиту влияния Советского Союза ряд стран. Но для этого нам надо выдержать— строго соблюдать их внутренний режим и самостоятельность. Мы не будем добиваться их советизации. Придет время, когда они сами это сделают" [21].

2.3 Латвия и Литва – зона влияния СССР

Латвийское руководство, заинтересованное в расширении экономических отношений с СССР, внимательно изучало эстонский опыт и, учитывая рост советского влияния в Восточной Европе, было согласно договориться на условиях, аналогичных эстонским.

2 октября Латвийское телеграфное агентство сообщило, что "Латвия готова приступить к пересмотру своих внешних отношений, в первую очередь с СССР. Правительство поручило министру иностранных дел Мунтерсу немедленно направиться в Москву, чтобы войти в прямой контакт с правительством СССР". В тот же день в 21.30 в Кремле началась первая беседа В. Мунтерса с советским руководством, от имени которого Молотов предложил упорядочить советско-латвийские отношения, поскольку "нам нужны базы у незамерзающего моря". Его поддержал Сталин, заявивший, что "если мы достигнем соглашения, то для торгово-экономических дел имеются очень хорошие предпосылки».

В итоге 5 октября был подписан договор о взаимопомощи сроком на 10 лет, предусматривавший ввод в Латвию 25-тысячного контингента советских войск.

10 октября с Литвой был подписан «Договор о передаче Литовской республике города Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой» сроком на 15 лет, предусматривавший ввод 20-тысячного контингента советских войск. Почти сразу же после подписания договоров о взаимопомощи начались переговоры о базировании советских войск на территории Прибалтики.

В Латвии пунктами базирования стали Лиепая, Вентспилс, Приекуле и Питрагс. 23 октября в Лиепая прибыл крейсер «Киров» в сопровождении эсминцев «Сметливый» и «Стремительный». 29 октября начался ввод частей 2-го особого стрелкового корпуса и 18-й авиабригады.

В Литве советские войска были размещены в течение ноября—декабря в районах Новая Вилейка, Алитус, Пренай, Гайжюнай (в Вильнюсе и на территории Виленского края они находились уже со времени польской кампании), при этом из Вильнюса они были выведены по настоянию литовской стороны.

1 апреля 1940 г. в Третьем рейхе были изданы географические карты, на которых территории Эстонии, Латвии и Литвы были обозначены как входящие в Советский Союз [29].

Как справедливо отмечают А.Г. Донгаров и Г.Н. Пескова, политика полного невмешательства СССР во внутренние дела прибалтийских стран объяснялась нежеланием обострять отношения с Англией и Францией и неясностью перспектив войны в Европе [10]. Строго придерживаясь своей линии на полное невмешательство во внутренние дела Эстонии, Латвии и Литвы, советское руководство внимательно следило за ситуацией в Европе и Прибалтике. По мере выполнения договоров о взаимопомощи перед сторонами возникали все новые и новые проблемы, для решения которых с ноября 1939г. по май 1940г. неоднократно велись переговоры разного уровня и были заключены соглашения, конкретизирующие отдельные стороны пактов. Ими регулировались вопросы аренды, железнодорожных перевозок, организации строительства, связи, санитарного обеспечения и юридического положения военнослужащих, о военторгах, о порядке въезда и выезда комсостава и их семей и т.п. Для контроля за реализацией условий пактов и разрешения спорных вопросов были созданы смешанные комиссии. Постепенно советские войска обживались в прибалтийских гарнизонах.

В историографии вопрос о выполнении договоров вызывает разногласия. Большинство авторов отмечает, что, несмотря на определенные трения, стороны в целом соблюдали условия договоров [5].

Наступление Германии на Западном фронте и прорыв вермахта к Ла-Маншу 20 мая 1940 г. значительно изменили стратегическую обстановку в Европе. Среди некоторых слоев населения Прибалтики вновь оживились опасения: после победы на Западе Германия возобновит экспансию на Восток, что сделает эти страны театром военных действий. Часть правящих кругов Эстонии, Латвии и Литвы стремилась ценой переориентации на Германию избавиться от советской опеки. В этой ситуации события мая-июня 1940 г. оказались для них полной неожиданностью.

Москва понимала необходимость усиления в этом регионе. Нарращивание сил привело к тому, что на границах Прибалтики военная группировка (с учетом развернутых в Литве, Латвии и Эстонии корпусов) насчитывала около 435 тыс. человек, до 8 000 орудий и минометов, свыше 3 000 танков, более 500 бронемашин. Группировка выделенных для операции ВВС включала 18 среднебомбардировочных, 3 дальнебомбардировочных, 5 тяжелобомбардировочных, 3 легкособомбардировочных, 2 штурмовых и 16 истребительных авиаполков и насчитывала 2601 самолет. Как докладывал Военному совету БОВО командующий 3-й армии, в ходе маршей отработывались вопросы их организации, разведки, управления и охранения, по возможности велась боевая подготовка. "Политико-моральное состояние частей 3-й армии здоровое. Весь личный состав в полной решимости готов выполнять любые задания партии и правительства" [11].

Советское руководство не исключало вероятности ведения полномасштабных военных действий, поэтому ЛВО, КалВО и БОВО было приказано развернуть сеть госпиталей. 14 июня 1940 г. начальник Генерального штаба телеграммой № Ом/952 распорядился к 24.00 16 июня призвать весь личный состав и автомашины для укомплектования эвакогоспиталей и военно-санитарных поездов, от мобилизации которых требовалось закончить 17 и 20 июня соответственно. Всем мобилизуемым следовало объявлять, что это обычный учебный сбор. В округах

развертывались тыловые части и учреждения, необходимые для обеспечения полноценной боевой деятельности войск.

Сосредоточивавшиеся войска соблюдали меры маскировки и вели наблюдение за сопредельной литовской территорией. 14 июня 1940 г. была установлена морская и воздушная блокада Прибалтики.

В период войны с белофиннами правительства Эстонии, Латвии и Литвы, подстрекаемые Англией и Францией, вели между собой переговоры о нападении на советские корпуса, дислоцированные в Прибалтике [21]. Они мечтали сбросить части Красной Армии в море. В районах расположения советских войск насаждаются шпионские гнезда. Под флагом свободы печати в газетах и по радио ведется разнузданная антисоветская пропаганда, в то же самое время преследуются граждане за чтение газеты "Известия"...

Вся провокационная деятельность эстонского, латвийского и литовского правительств преследует цель срыва договоров о взаимопомощи, заключенных с Советским Союзом. Тем самым они подчеркивали свою готовность превратить Прибалтику в плацдарм войны против СССР.

Тем временем 7 июня премьер-министр Литвы А. Меркис прибыл в Москву, где начались советско-литовские переговоры. Молотов обвинил литовское правительство в нелояльном отношении к СССР, что выражалось, по его мнению, в похищении красноармейцев и других провокациях, затягивании расследования, арестах литовского обслуживающего персонала в советских гарнизонах, чрезмерно частых сборах шаулистов. Любые оправдания Меркиса без рассмотрения отметались Молотовым, считавшим, что во всем виновата литовская политическая полиция. В то же время советское руководство подчеркнуто лояльно вело себя по отношению к Латвии, и Эстонии. С Таллином 8 июня было подписано соглашение об общих административных условиях пребывания советских войск [22].

В ходе беседы 9 июня просьба Меркиса о совместном расследовании инцидента была отвергнута Молотовым, который перешел к теме Балтийской Антанты, охарактеризовав ее как антисоветский военный союз, скрываемый от СССР. Возражения Меркиса, основанные на отсутствии каких-либо доказательств, отводились Молотовым, считавшим, что это не юридический, а политический вопрос, требующий ответа. 10 июня в Москву прибыл Урбшис, 11 июня вместе с Меркисом принявший участие в переговорах. Все предложения литовской стороны договориться и урегулировать инцидент отклонялись Молотовым, требовавшим принять меры по претензиям СССР, уволить министра внутренних дел К. Скучаса и начальника департамента политической полиции А. Повилайтиса. 12 июня советское полпредство в Литве сообщило в Москву о действиях литовской комиссии, саботирующей изучение деятельности охраны. 14 июня Молотов уведомил полпредов СССР в Финляндии, Эстонии, Латвии и Литве об отношении к Балтийской Антанте, которая "носит на деле антисоветский характер" и является "нарушением пактов, которыми запрещено участие во враждебных Договаривающимся сторонам коалициях» [46].

Казалось, ничто не предвещало резких изменений хода переговоров, но в 23.50 14 июня Урбшиса вызвал Молотов и вручил ему ультиматум советского правительства (опубликован 16 июня в "Известиях"), согласно которому следовало предать суду Скучаса и Повилайтиса, создать правительство, которое честно выполняло бы договор о взаимопомощи, и пропустить на территорию Литвы дополнительные части Красной Армии. Разъяснив, что предполагается дополнительно ввести 3—4 корпуса (9—12 дивизий) во все важные пункты Литвы, Молотов обещал, что войска не будут ни во что вмешиваться, но новое правительство должно быть просоветским. Чтобы успокоить литовцев, им было заявлено, что это временные меры, хотя это "будет зависеть от будущего литовского правительства". В итоге в 9.45

утра Урбшис сообщил Молотову об удовлетворении советских требований и составе нового правительства во главе с генералом Раштикисом [48].

14—16 июня советские полпреды в Латвии и Эстонии информировали Москву о необходимости усиления бдительности на советских военно-морских базах, о подозрительных учениях латвийских частей, неприязненном отношении правящих кругов Латвии к СССР и о мобилизации в Эстонии.

Мирное решение советско-литовского конфликта потребовало переориентации развернутых у границ Прибалтики войск с подготовки боевых действий на беспрепятственное занятие территорий. Пока шли переговоры, войска БОВО получили боевой приказ № 2, которым устанавливались время (15.00) и места перехода границы Литвы. 15—16 июня советские войска заняли большую часть территории Литвы. 16 июня советские войска получили задачу вступить на территорию Эстонии и Латвии.

17—21 июня при помощи советских эмиссаров были созданы "народные" правительства, началось разоружение населения и военизированных организаций, у которых к 15 июля 1940г.

Говоря о реакции великих держав на эти события, А.Г. Донгаров, Н.Г. Пескова и М.И. Семиряга отмечают, что Англия была занята проблемами войны в Западной Европе, а США не признали территориальных изменений в Прибалтике, но не предприняли никаких серьезных мер противодействия [10;29].Позиция Германии, сформулированная 17 июня 1940г., сводилась к тому, что события в Прибалтике "касаются только России и прибалтийских государств. Поэтому, ввиду наших неизменно дружественных отношений с Советским Союзом, у нас нет никаких причин для волнения, каковое нам открыто приписывается частью зарубежной прессы».

Освещая дальнейшие политические события в Прибалтике в июне-августе 1940г., некоторые авторы утверждают, что там произошли народные революции. Демократические выборы 14—15 июля 1940г. дали власть сторонникам объединения с СССР, что и было сделано, но вместо социализма эти страны получили сталинизм и лишь после немецкой оккупации 1941—1944гг. поняли, что и это хорошо.

2.4 Советско-финские отношения

В отношении Финляндии первоначально намеревались действовать по прибалтийскому образцу, предложив ей договор о взаимопомощи. Вместе с тем не исключалось, что Финляндия вновь займет неконструктивную позицию, и 5 октября Краснознаменный Балтийский флот (КБФ) получил приказ разработать план захвата островов в Финском заливе (в том числе и о. Бьерке). Как и другие граничившие с СССР государства, Финляндия считалась в Москве потенциальным противником, и советское военное руководство периодически готовило планы на случай войны на Северо-Западе. К сожалению, этот вопрос практически не исследован, и в историографии преобладает точка зрения, что готовиться к войне с Финляндией советская сторона начала только в 1939 г. Однако доступные документы показывают, что реальность была несколько иной [47]. Только в 1930-е гг. советский Генштаб разработал несколько вариантов боевых действий на северо-западе СССР. Правда, поначалу советские военные планы в отношении Финляндии имели в основном оборонительную направленность, и лишь в плане 1936 г. войска получили активные наступательные задачи, которые затем постоянно уточнялись. Соответственно возрастало и количество войск, привлекаемых для операции. Так, если в планах 1932-1935 гг. предусматривалось иметь от 4 до 6 стрелковых дивизий и 1 стрелковую бригаду, то в плане 1936 г. речь шла об использовании 7 стрелковых дивизий и 2 танковых бригад, а в плане 1937 г. - о 10 стрелковых и 1 горнострелковой дивизиях, 2 танковых бригадах и 3 арtpолках РК401 .

19 апреля 1939 г. в штабе ЛВО была подготовлена записка по плану боевых действий Северо-Западного фронта, развертывавшегося по мобилизации на базе ЛВО, против Финляндии и Эстонии в условиях войны СССР с Германией и союзной ей Польшей.

В марте 1939 г. новый командующий войсками ЛВО командарм 2 ранга

К.А. Мерецков получил приказ наркома обороны проверить готовность войск "на случай военного конфликта" с Финляндией [8].

В середине сентября 1939 г. началось сосредоточение войск ЛВО по планам прикрытия. Согласно директиве наркома обороны № 16659 от 11 сентября было приказано перебросить в Мурманск управление 33-го стрелкового корпуса, 14-ю стрелковую дивизию и артполк РГК, на базе которых приказом НКО № 0052 от 16 сентября 1939 г. была сформирована Мурманская армейская группа, получившая задачу развернуть войска на границе к 1 октября. 14 сентября ЛВО получил директиву № 16669, согласно которой на границе с Финляндией развертывались: на Ухтинском направлении 54-я горно-стрелковая дивизия, в Карелии - 168-я, 18-я стрелковые дивизии и 314-й артдивизион большой мощности (БМ), на Карельском перешейке - 19-й и 50-й стрелковые корпуса (16-я, 24-я, 43-я, 70-я, 90-я стрелковые дивизии), 1-я, 20-я, 35-я танковые бригады, 6 артполков и 3 артдивизиона БМ [2].

5 октября СССР пригласил Финляндию на переговоры относительно улучшения советско-финских отношений с учетом нынешней ситуации в Европе, выразив надежду на получение ответа из Хельсинки "не позднее, чем сегодня вечером, или завтра утром" [1]. Получив приглашение, финское руководство немедленно обратилось за поддержкой к Германии, Англии, Франции, США и Швеции. Германия, связанная соглашением с СССР, дала общий совет не обострять отношений с Москвой, а Англия, Франция и США посоветовали финскому руководству занять неуступчивую позицию, надеясь, что осложнение советско-финских отношений спровоцирует противоречия между Москвой и Берлином. Стокгольм, не желая вмешиваться, занял уклончивую позицию. Стремясь заручиться поддержкой великих держав и завершить сосредоточение войск на Карельском перешейке, Финляндия не торопилась с ответом. Это вызвало недовольство Москвы, и 7 октября Молотов поинтересовался у финского посла А.С. Ирве-Коскинена "почему до сего времени нет ответа финляндского правительства" на предложение о

переговорах. Советская сторона увязывала экономические и политические проблемы, заявляя, что "надо спешить с вопросом улучшения отношений между странами" [47]. Соответствующую задачу получил и советский полпред в Хельсинки В.К. Деревянский, который 8 октября поставил этот вопрос перед финским министром иностранных дел Э. Эркко, но финская сторона заявила, что "если Советский Союз попытается оказать давление, то получит сильный отпор", а финская делегация приедет в Москву лишь после согласования позиции правительства и парламента [14].

Финляндия начала военные приготовления, а финская пресса развернула антисоветскую кампанию.

11-12 октября Норвегия, Дания, Швеция и США обратились к СССР с просьбой не предъявлять Финляндии требований, которые затрагивали бы ее независимость и нейтралитет. В ответ советская сторона заявила о своей дружественной позиции в отношении Финляндии и о нежелании затрагивать ее независимость, поскольку переговоры "имеют целью улучшение дружественных отношений между Финляндией и СССР" [20].

12 октября в Москве начались советско-финские переговоры. Когда финская делегация отказалась от обсуждения вопроса о заключении договора о взаимопомощи, советская сторона предложила проект договора о совместной обороне Финского залива по типу планировавшегося финско-шведского соглашения об обороне Аландских островов. Но и это предложение было отклонено финнами без обсуждения. Советские политики предложили иной сценарий действий, но не имея полномочий для обсуждения предложений, финская делегация 14 октября выехала в Хельсинки для консультации, что было, видимо, неожиданностью для советской стороны, рассчитывавшей на быстрое достижение соглашения. Четыре дня потребовалось финскому руководству, чтобы согласовать свою позицию на переговорах с СССР, поскольку в правительстве оказались сторонники определенных уступок восточному соседу.

Тем временем в Финляндии продолжалась обработка общественного

мнения в духе недопустимости уступок СССР, начались аресты членов левых общественных организаций, было запрещено издание ряда газет и журналов.

23 октября переговоры в Москве возобновились. Финляндия выразила готовность передать СССР расположенные в Финском заливе острова Сейскари, Пенисаари, Лавансаари, Тютерсаари (малый и большой) и обсудить вопрос о передаче острова Суурсари. Относительно границы на Карельском перешейке финское руководство соглашалось перенести границу на 10 км западнее вдоль побережья Финского залива, но отклонило советское предложение о предоставлении в аренду Ханко и права на якорную стоянку в заливе Лаппвик, поскольку размещенные там войска могли бы быть использованы "для нападения против Финляндии". Хельсинки соглашались на уточнение соответствующей статьи советско-финляндского договора о ненападении. Все остальные советские предложения были отклонены. Советская делегация выразила готовность несколько отодвинуть к востоку линию будущей границы на 10-20 км южнее города Койвисто, но настаивала на передаче СССР острова Бьерке. Было принято финское предложение о соответствующем усилении существующего договора о ненападении. Все остальные предложения СССР остались в силе [12]. Не имея полномочий обсуждать эти предложения, финская делегация 24 октября вернулась в Хельсинки для новых консультаций.

Столь неудачный ход переговоров убедил советское руководство, что Финляндия пытается затянуть время и отказаться от какой-либо договоренности. Поэтому следовало подготовиться к более решительным действиям. В Москве знали о моральной поддержке Финляндии со стороны Англии, Франции и США, но были уверены в том, что дальше этого ни Лондон, ни Париж, ни Вашингтон не пойдут.

Тем временем Финляндия завершила мобилизацию и провела в конце октября маневры. 25 октября финские территориальные воды были объявлены опасными для плавания из-за минных постановок в районе Аландских островов и у границ СССР. Финские войска были развернуты в

приграничной зоне, основные силы заняли оборонительные рубежи на Карельском перешейке [15].

В Москве практически не оставалось надежд на мирное решение вопросов с Финляндией. Советское руководство считало, что сможет быстро заставить Хельсинки принять свои предложения. Прежде всего, Москва попыталась нейтрализовать антисоветскую пропаганду финской прессы.

3 ноября начался последний раунд переговоров. Финская делегация подтвердила свою позицию по островам Финского залива и согласилась перенести границу на Карельском перешейке до форта Инно, но категорически отказалась от предоставления в аренду СССР полуострова Ханко и других советских предложений [15]. 4 ноября Сталин вновь доказывал финской стороне необходимость создания советской военно-морской базы на северном побережье у входа в Финский залив, предложив расположить ее на близлежащих островах в районе Ханко или продать эту территорию СССР. В итоге финская делегация решила запросить в Хельсинки согласие на передачу под советскую базу острова Юссарё, но финское руководство уже закусило удила. Вместо рассмотрения компромиссного предложения делегации было предложено либо добиться соглашения на финских условиях, либо вернуться в Хельсинки. 9 ноября состоялось последнее заседание делегаций, в ходе которого стало ясно, что стороны остались при своем мнении, и 13 ноября финская делегация покинула Москву [12].

При пересечении финской делегацией границы финская пограничная стража открыла огонь по советским пограничникам. В Хельсинки исход переговоров в Москве был воспринят как значительная победа неуступчивой дипломатии Эркко. Поэтому возобладало мнение, что советское руководство блефует и войны не будет, а генштаб финской армии занялся разработкой планов демобилизации призванных резервистов. Военные аналитики не допускали возможности сосредоточения крупных сил Красной Армии, рассчитывая, что финская армия сможет противостоять 15-17 советским

дивизиям в течение 6 месяцев, а за это время будут найдены союзники или достигнут приемлемый компромисс. Несмотря на поступавшие сведения о развертывании советских войск, 25 ноября был сделан вывод, что войны не будет. Финские военные переоценивали собственные оборонительные возможности и надеялись на поддержку со стороны Норвегии и Швеции. Соответственно совершенно недооценивалась Красная Армия. Еще 28 октября финский генштаб сделал вывод, что "Красная Армия не станет эффективным средством ведения войны", а поэтому, "принимая во внимание внутривнутриполитическую ситуацию в СССР, советское правительство не начнет войну, хотя бы и против численно слабейшей армии" [43].

Разрыв финской стороной переговоров спровоцировал Москву на военное решение проблемы. Войска Красной Армии были отправлены на границу с Финляндией. Тем временем 17 ноября в Москву поступила докладная записка советского полпреда в Хельсинки, в которой он предлагал ряд мер для оказания давления на Финляндию. Следовало "создать обостренно напряженную обстановку на советско-финляндской границе", широко освещаемую в советской прессе, организовать демонстрации населения в Ленинграде и других городах. "Если после этих мероприятий финляндское правительство не удовлетворит наших требований, то ближайшей мерой должен явиться разрыв пакта о ненападении со всеми вытекающими последствиями, применение которых по времени должно быть осуществлено в зависимости от международной обстановки" [46]. Начавшаяся в начале ноября антифинская кампания в прессе стала постепенно нарастать.

26 ноября ТАСС сообщило, что в 15.45 финская артиллерия обстреляла советскую территорию у деревни Майнила на Карельском перешейке, в результате чего было убито 4 и ранено 9 советских военнослужащих. До сих пор в историографии продолжается дискуссия относительно фактической стороны этих событий. Ныне официальную советскую версию, которая рассматривала этот инцидент как финскую провокацию, открыто

поддерживают лишь отдельные авторы. Некоторые исследователи не определяют своей позиции, ограничиваясь лишь пересказом событий, другие осторожно предполагают, что этот инцидент могла организовать советская сторона, а многие считают, что это был повод к войне, созданный советской стороной.

Как бы то ни было, вечером 26 ноября Финляндии была вручена советская нота, в которой заявлялось, что "сосредоточение финляндских войск под Ленинградом не только создает угрозу Ленинграду, но и представляет на деле враждебный акт против СССР, уже приведший к нападению на советские войска и к жертвам" [22]. Для предотвращения новых провокаций Москва требовала отвода финских войск на 20-25 км от границы. Эта нота вновь поставила перед финским правительством вопрос о политике в отношении СССР. В принципе отвод войск на Карельском перешейке не нарушал бы финскую систему обороны, но это означало поддаться на советский нажим, к чему политическое руководство Финляндии было не готово. Кроме того, в Хельсинки эти советские действия воспринимались всего лишь как "война нервов", затеянная Москвой. 27 ноября советскому руководству была передана ответная финская нота, в которой отрицалась причастность финских войск к упомянутому инциденту, предлагалось создать совместную советско-финскую комиссию для его расследования и "приступить к переговорам по вопросу об обоюдном отводе войск на известное расстояние от границы" [15]. Таким образом, ответ Хельсинки подтвердил, что Финляндия продолжает занимать неуступчивую позицию, а предложение об отводе советских войск от границы вызвало в Москве резкое недовольство. Советская нота от 28 ноября квалифицировала финскую позицию как глубоко враждебную к СССР и нарушающую требования пакта о ненападении. Поэтому "Советское правительство считает себя вынужденным заявить, что с сего числа оно считает себя свободным от обязательств, взятых на себя в силу пакта о ненападении" . Безусловно, подобная форма денонсации договора являлась нарушением

предусмотренной в его тексте процедуры.

В тот же день на границе имели место новые инциденты в Карелии и Заполярье, которые были использованы 29 ноября советской стороной для разрыва дипломатических отношений с Финляндией. В этот день, выступая по радио, Молотов возложил ответственность за создавшееся положение на финляндское правительство, опроверг слухи о посягательстве СССР на суверенитет и независимость Финляндии и вмешательстве в ее отношения с другими странами и заявил, что СССР считает Финляндию независимой страной и готов "оказать помощь финляндскому народу в обеспечении его свободного и независимого развития". Стремление обеспечить безопасность СССР и Ленинграда, которую нельзя ставить "в зависимость от злой воли нынешних финляндских правителей", вынуждает советское правительство решать эту задачу "в дружественном сотрудничестве с финляндским народом". Тем временем в Хельсинки решили вновь прибегнуть к тактике проволочек, и финский посол в Москве получил от своего правительства ноту, содержащую согласие на переговоры об одностороннем отводе финских войск от границы и предложение передать возникший конфликт на решение нейтрального арбитра. Видимо, 29 ноября было последним днем, когда Финляндия еще могла бы путем серьезных уступок СССР избежать войны, но в Хельсинки подобный вариант даже не обсуждался. Более того, там продолжали считать, что положение на границе "не очень напряженное". Таким образом, мнение А.Г. Донгарова, рассматривающего вышеуказанные события 26-29 ноября 1939 г. в качестве советского ультиматума Финляндии, который был ею принят, но уже после разрыва дипломатических отношений, что дало Москве формальный повод не принимать этот ответ во внимание, не соответствует действительности [10].

Планируя молниеносный поход против Финляндии, советское руководство намеревалось решить вопрос ее послевоенного устройства созданием просоветского марионеточного правительства, которое, как первоначально предполагалось, возглавит находившийся в Стокгольме

секретарь финской компартии А. Туоминен, вызванный в Москву 13 ноября. Однако Туоминен уклонился от этой "честь", и во главе "народного правительства", которое, по мнению Москвы, должно было довольно скоро обосноваться в Хельсинки и возглавить "руководство будущей народной власти на освобожденной (от тогдашних финских властей) территории", был поставлен секретарь Исполкома Коминтерна О.В. Куусинен. Считалось, что использование в пропаганде факта создания "народного правительства" и заключения с ним договора о взаимопомощи, свидетельствующего о дружбе и союзе с СССР при сохранении независимости Финляндии, позволит оказать влияние на финское население, усилив разложение в армии и в тылу.

Мы не будем описывать ход военных действий во время Зимней войны между Советским Союзом и Финляндией, так как она является темой отдельного исследования. Отметим только, что она резко снизила авторитет армии Советского Союза, катализировала выход СССР из Лиги наций, и способствовало осложнению отношений с Западными и особенно скандинавскими странами.

В условиях резко возросшей угрозы вмешательства в войну Англии и Франции советское руководство было вынуждено пойти на переговоры и заключение мира с законными финскими властями. Со своей стороны финское руководство, учитывая расплывчатые обещания союзников, неуступчивость Швеции и Норвегии в вопросе транзита иностранных войск и угрозу краха финского фронта под натиском Красной Армии, было вынуждено принять советские требования, и в 2.00 13 марта 1940 г. мирный договор между СССР и Финляндией был подписан. В этих условиях для Финляндии решающим было стремление сохранить армию ценой утраты территорий, чтобы в дальнейшем иметь возможность вернуть утраченное. В ходе войны советские войска потеряли 131 476 человек убитыми и пропавшими без вести, 264 908 человек ранеными и больными, безвозвратные потери составили 406 самолетов, 653 танка и 422 орудия и миномета. Общие затраты на войну превысили 7,5 млрд рублей. Серьезные

потери понесли и финские войска, потерявшие убитыми и пропавшими без вести 22 830 человек, ранеными 43 557 человек, 62 самолета, 500 орудий и минометов, 50 танков 488 . Советско-финский договор лишил Англию, Францию и Германию удобного предлога для вмешательства в Скандинавии, но, по оценке начальников штабов английских вооруженных сил, дал "СССР возможность доминировать в Финском заливе и укрепить свои стратегические позиции в Ботническом заливе и в Прибалтике против Германии» [6]. 31 марта Карельская АССР была преобразована в Карело-Финскую ССР, а 9 апреля советские войска эвакуировались из Петсамо.

Глава 3. Включение в состав СССР Бессарабии и Буковины.

3.1 Попытки решения «Бессарабского вопроса»

Особый интерес для СССР представляли Балканы. Вопрос о Бессарабии был не только территориальным, но и национальным. Бессарабия являлась бывшей российской губернией, поэтому, по мнению правительства новообразованного СССР, должна была войти в его состав. Кроме того, большинство населения Бессарабии не были ни румынами, ни молдаванами. В соответствии с переписью 1897 года «47,6% жителей Бессарабии были молдаванами, 19,6 — украинцами, 8 — русскими, 11,8 — евреями, 5,3 — болгарами, 3,1 — немцами, 2,9 — гагаузами».

23 августа 1939 года был подписан пакт Молотова—Риббентропа, по секретному дополнительному протоколу к которому Бессарабия попадала под советскую сферу влияния, что повлекло за собой кардинальное изменение политики СССР в отношении региона.

Анализируя ситуацию на Балканах, аппарат Коминтерна подготовил к 28 сентября 1939г. записку "Империалистическая война и Балканы», в которой отмечалось, что обе воюющие группировки будут стремиться втянуть в начавшуюся войну нейтральные балканские страны. В этих условиях задачи компартий на Балканах заключались в том, чтобы "бороться против империалистической войны, против вмешательства в войну, против поджигателей войны", которыми, по тогдашней советской терминологии, были Англия и Франция, представлявшие с точки зрения Москвы основную преграду усилению советского влияния в Юго-Восточной Европе. В своей работе коммунисты должны были разоблачать политику правящих кругов балканских стран, бороться за дружбу балканских народов и "всеми силами

добиваться установления и укрепления дружественных связей с великим Советским Союзом и объединения балканских стран вокруг Советского Союза. Этим они будут способствовать также ограничению театра войны и быстрой ликвидации последней". Компартиям следовало учитывать обострение социальных проблем и разъяснять трудящимся их революционные задачи. "Популяризируя грандиозный опыт СССР, они должны указывать трудящимся, что лишь низвержение капиталистических правительств, лишь установление рабоче-крестьянского правительства и присоединение к Советскому Союзу на основе равноправия и взаимности, лишь осуществление социализма обеспечит трудящимся балканских стран национальное равноправие, свободную и счастливую жизнь".

Внимание румынского руководства привлекла статья Б. Стефанова в журнале "Коммунистический Интернационал", в которой утверждалось, что Англия и Франция стремятся втянуть угнетающую нацменьшинства Румынию в войну, но "интересы народов Румынии, их мирное и свободное развитие и лучшее будущее невозможны без немедленного заключения пакта о взаимопомощи с СССР подобно договорам между Советским Союзом и прибалтийскими государствами". Румыния немедленно заверила СССР, что не собирается нарушать нейтралитет и проявляет заботу о своих нацменьшинствах". Одновременно румынское руководство усилило поиски союзника против Москвы, чему способствовало начало советско-финской войны. 3 ноября Румыния вновь пыталась выяснить у Англии и Франции, распространяются ли их гарантии на Бессарабию, шантажируя их возможностью сближения с Германией.

14 декабря Англия заявила, что гарантии распространяются на Бессарабию в том случае, если Румынии немедленно поможет Турция и если Италия не будет препятствовать этой помощи. В этом случае новая ситуация будет "рассмотрена" совместно с французским правительством, чтобы определить вклад, который Англия и Франция способны "внести в защиту

Румынии". Франция присоединилась к такому ответу. В тот же день Румыния на 15% подняла курс немецкой марки к румынскому лею, уведомив Германию, что ждет от нее помощи против СССР, так как делает это вопреки мнению Англии и Франции. Вместе с тем 15 декабря Румыния просила Англию сохранить ее ответ в тайне, поскольку его разглашение могло бы толкнуть СССР на насильственное решение Бессарабского вопроса. Попытки Румынии получить гарантированную поддержку против СССР со стороны соседей также не принесли результатов. Союзники по балканской Антанте не были заинтересованы втягиваться в советско-румынский конфликт. Венгрия и Болгария стремились реализовать собственные территориальные претензии к Румынии. Италия рассчитывала продолжить сближение с Венгрией и ограничилась общими обещаниями. В ответ на постоянные запросы румынского руководства относительно возможности советской агрессии, Германия, добивавшаяся стабилизации цен на нефть, 8 февраля 1940 г. ответила, что положение Румынии ее не беспокоит, поскольку она не предвидит никакой русской агрессии.

29 марта 1940 г. В.М. Молотов на сессии Верховного Совета СССР заявил, что "у нас нет пакта о ненападении с Румынией. Это объясняется наличием нерешенного спорного вопроса о Бессарабии, захват которой Румынией Советский Союз никогда не признавал, хотя и никогда не ставил вопрос о возвращении Бессарабии военным путем". Это заявление вызвало в Румынии определенное беспокойство. Уже 30 марта румынский премьер-министр Г. Татареску уведомил Германию о необходимости дальнейшего перевооружения румынской армии и просил повлиять на Москву, чтобы она не претендовала на Бессарабию [27]. На это был получен ответ, что отношения с Румынией будут зависеть от выполнения ею своих экономических обязательств перед Германией. Новые румынские запросы показали, что в Берлине не верили в скорую возможность советской инициативы в решении территориального вопроса. 9 апреля 1940г. СССР

направил Румынии меморандум о 15 случаях обстрела советской территории с румынской стороны и проблеме минирования мостов через Днестр. Румынская сторона, естественно, отрицала свою вину и выдвинула контрпретензии. Распространение войны на Скандинавию и пассивная позиция Англии и Франции вели к снижению их влияния на Балканах. С учетом развития событий в Европе Кароль II высказал 15 апреля 1940г. мнение, что Румыния должна присоединиться к "политической линии Германии", и предложил в переговорах в Берлине руководствоваться этими намерениями. 19 апреля 1940г. Коронный совет Румынии высказался против добровольной уступки Бессарабии СССР, предпочитая пойти на военный конфликт.

Война в Западной Европе потребовала от Румынии пересмотра внешней политики в пользу большего сближения с единственным возможным в то время противником СССР — Германией. Уже 28 мая 1940 г. между Румынией и Германией был подписан новый торговый договор, согласно которому предполагалось увеличить поставки нефти Берлину на 30% в обмен на обеспечение румынской армии современным вооружением. Румынское руководство стало настойчиво предлагать Германии сотрудничество в любой области по ее желанию. На новые румынские запросы о действиях Германии в случае "агрессии советской России" 1 июня 1940г. последовал ответ, что проблема Бессарабии Германию не интересует — это дело самой Румынии [29]. В тот же день Румыния предложила СССР расширить товарооборот, но советская сторона не поддержала это предложение. Одновременно был улажен инцидент с советским самолетом, залетевшим в воздушное пространство Румынии на 62км ". 20 июня германскому посланнику в Бухаресте было передано заявление румынского правительства, в котором отмечалось, что "идентичность интересов, которая связывала оба государства в прошлом, определяет также сегодня и определит еще сильнее завтра их взаимоотношения и требует быстрой организации этого сотрудничества,

которое предполагает сильную в политическом и экономическом отношении Румынию, ибо только такая Румыния явится гарантией того, что она сможет выполнять свою миссию стража на Днестре и в устье Дуная»^{583} Однако Берлин не торопился с ответом.

С апреля 1940г. началась переброска советских войск с финского фронта к местам постоянной дислокации. Одновременно происходило усиление Киевского особого (КОВО), Одесского (ОдВО) и Закавказского военных округов (ЗакВО). Эти передислокации были замечены германскими дипломатами в Москве, о чем 21 мая 1940г. было доложено в Берлин. 11—14 мая оперативный отдел штаба КОВО приказал военно-топографическому отделу начать набор мобилизационных комплектов карт пограничной зоны Румынии. 25 мая германский посол в Москве граф Ф.-В. фон Шуленбург обратился к Молотову за разъяснением слухов о концентрации советских войск на границе с Румынией. "Молотов ответил, что все эти слухи лишены оснований, — докладывал Шуленбург в Берлин. — Несомненно, пожалуй, что советские войска в южной части России, в Крыму и на Кавказе усиливаются", но эти меры не выходят за рамки оборонительных. Расширение войны в Западной Европе в мае-июне 1940 г. позволило СССР активизировать свою политику в отношении Прибалтики и Румынии.

К сожалению, подавляющая часть документов о подготовке и осуществлении Бессарабской кампании Красной Армии все еще секретна, поэтому невозможно, всесторонне исследовать эти проблемы. Однако доступные материалы позволяют все же рассмотреть эти события более подробно.

Конкретные советские военные приготовления к решению Бессарабского вопроса начались 9 июня 1940г., когда Военные советы КОВО ОдВО получили директивы наркома обороны ОУ/583 и ОУ/584, согласно которым им была поставлена задача привести войска в состояние боевой

готовности по штатам мирного времени без подъема приписного состава, сосредоточить их на границе с Румынией и подготовить операцию по возвращению Бессарабии. Для руководства операцией на базе управления КОВО было создано управление Южного фронта (командующий — генерал армии Г.К. Жуков, член Военного совета— корпусной комиссар В.Н. Борисов, начальник штаба — генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин), включавшего 5-ю (командующий на время операции — генерал-лейтенант В.Ф. Герасименко), 12-ю (командующий — генерал-майор Ф.А. Парусинов). армии КОВО и 9-ю армию (командующий— генерал-лейтенант И.В. Болдин), сформировавшуюся из войск ОдВО.

К 17 июня Военный совет Южного фронта разработал план операции, который был 22 июня представлен на утверждение наркому обороны маршалу Советского Союза С.К. Тимошенко. 19 июня в Проскурове были проведены специальные занятия с Военными советами армий и командирами корпусов с целью ознакомить их с характером и планом операции. Были даны указания об особенностях боевой подготовки войск и тылов к предстоящей операции. 22—23 июня Военные советы армий проработали на местности с командирами корпусов и дивизий вопросы занятия исходного положения, организации предстоящего наступления, взаимодействия родов войск, управления, связи, устройства тыла и действий на ближайший этап операции. С остальным комначсоставом эти вопросы были проработаны за день до начала операции.

Войска были приведены в боевую готовность и 10 июня получили директивы по сосредоточению, которое началось под видом учебного похода с 11 июня и должно было завершиться 24 июня. Однако этот процесс встретил ряд трудностей. Серьезной проблемой для войск стало приведение их в боевую готовность без призыва приписного состава, что потребовало перераспределения военнослужащих для формирования необходимых тыловых и вспомогательных частей. Для этого привлекалось почти 35 тыс.

солдат из строевых частей, слабо подготовленных к выполнению возложенных на них новых обязанностей. Нехватка начальствующего состава тыловых специальностей и медицинского персонала восполнялась их призывом из запаса. Было сформировано 16 полевых госпиталей, 6 отделений полевых эвакуационных пунктов, 4 инфекционных госпиталя, 2 автосанроты, 5 автохирургических отрядов, 12 санитарных поездов, к приему раненых были подготовлены госпитали во Львове, Тарнополе и Проскурове. Для обеспечения боевых операций войск было развернуто 34 различных склада, 5 хлебопекарен, 7 полевых подвижных госпиталей, 3 эвакуационных и 8 полевых ветеринарных лазаретов, 9 рабочих рот. Недостаток транспорта привел к тому, что выступившие в поход войска не имели возможности сразу взять необходимое вооружение и имущество, что приводило к задержке сосредоточения, ибо требовало нескольких рейсов имевшихся автомашин. Для пополнения на случай убыли имелось 17 маршевых батальонов, назначенных Генштабом, 10 маршевых батальонов, сформированных в КОВО и ОдВО, 5 запасных саперных рот и 225 танковых экипажей.

Все эти трудности привели к тому, что войска не успели сосредоточиться к 24 июня, а завершили развертывание только к 27 июня. Войска 12-й армии, находившиеся в Предкарпатье, были развернуты на юго-восток. Штаб армии передислоцировался из Станислава в Коломью, где ему были подчинены 8-й, 13-й, 15-й, 17-й стрелковые корпуса и Армейская кавгруппа (командующий генерал-лейтенант Я.Т. Черевиченко) в составе 2-го и 4-й кавкорпусов. Часть войск 5-й армии, развернутой на Волыни, была переподчинена 6-й и 12-й армиям. Штаб 5-й армии был переброшен из Луцка в Дунаевцы, где он объединил 36-й и 49-й стрелковые корпуса. Из войск ОдВО, пополненных за счет КОВО, ХВО и СКВО, была развернута 9-я армия (штаб в Гроссулово — ныне Великая Михайловка) в составе 7-го, 35-го, 37-го, 55-го стрелковых и 5-го кавалерийского корпусов. Часть войск перебрасывалась по железной дороге, часть — пешим порядком. Причем

определенные трудности возникли при железнодорожных перевозках войск, поскольку отсутствовал план перевозок. Распоряжение Генштаба о перевозках было получено только в 18.30 12 июня, хотя перевозки должны были начаться с 18.00 этого дня. Несогласованная работа Управления, военных сообщений и НКПС привела к тому, что вместо необходимых 709 эшелонов войска получили примерно на треть меньше. Но, несмотря на все эти трудности, к началу операции все войска были подтянуты и развернуты в соответствии с планом.

В состав войск Южного фронта входили 32 стрелковые, 2 мотострелковые, 6 кавалерийских дивизий, 11 танковых и 3 воздушно-десантные бригады, 14 корпусных артполков, 16 артполков РКК и 4 артдивизиона большой мощности. Общая численность группировки составляла до 460 тыс. человек, до 12 тыс. орудий и минометов, около 3 тыс. танков. Группировка ВВС фронта объединяла 21 истребительный, 12 среднебомбардировочных, 4 дальнебомбардировочных, 4 легкобомбардировочных, 4 тяжелобомбардировочных авиаполка и к 24 июня насчитывала 2 160 самолетов.

21 июня 1940г. начальник Политуправления Красной Армии армейский комиссар 1 ранга Л.З. Мехлис направил Военным советам и начальникам Политуправлений КОВО и ОдВО директиву № 5285сс о политработе в период Бессарабской кампании, в которой следующим образом объяснялись действия СССР: "В 1918 году, воспользовавшись гражданской войной в СССР и интервенцией англо-французских империалистов, Румыния воровски захватила у нас Бессарабию. Наши братья живут в Бессарабии в ужасающей нищете и влачат жалкое существование", что подтверждалось выдержками из румынской прессы.

"Правительство королевской диктатуры дополняет экономический гнет народных масс Бессарабии политическим и национальным. Этнографически

Бессарабия не имеет никакого" отношения к Румынии. Там проживает не более 9,1% румын. Все остальное население — это русские, украинцы и молдаване. Русским, украинцам и молдаванам под страхом суда запрещается разговаривать на родном языке. Их культурные учреждения и школы разгромлены.

Особенно жестоким издевательствам румынские капиталисты и помещики подвергают русское и украинское население в Бессарабии. Они бьют и уничтожают всех, кто в какой-то мере симпатизирует Советскому Союзу.

Стремление бессарабского населения освободиться от румынского гнета сказывается в массовых революционных выступлениях и восстаниях, которые на протяжении всех 22 лет оккупации Бессарабии жестоко подавлялись. Так, были потоплены в крови трудящихся Хотинское (1919г.) и Татарбунарское (1924 г.) вооруженные восстания. Бессарабские тюрьмы переполнены политическими заключенными и крестьянами.

Советский Союз никогда не признавал захвата боярской Румынией Бессарабии. 5 марта 1918г. Румыния по Ясскому мирному договору с Советской Россией обещала в 2-месячный срок очистить Бессарабию от своих войск и вернуть ее нашей Родине. Этот договор Румыния, при поддержке Англии и Франции, не выполнила.

В целях подготовки войск к предстоящим военным операциям Политуправление Красной Армии" обязывало политорганы "разъяснить всему личному составу внешнюю политику СССР, разоблачить Румынию, захватившую воровским путем нашу советскую землю. Мы идем освобождать наших единокровных братьев украинцев, русских и молдаван из-под гнета боярской Румынии и спасти их от угрозы разорения и вымирания. Вызволяя советскую Бессарабию из-под ига румынских капиталистов и помещиков, мы

защищаем и укрепляем наши южные и юго-западные границы. (Сделать это вечером накануне выступления)..." [46].

Требовалось "всей партийно-политической работой создать в частях боевой подъем, наступательный порыв, обеспечивающий быстрый разгром врага (захват в плен его основных сил и очистку Бессарабии)... Задача Красной Армии, как указано выше, — вернуть Бессарабию к нашей Родине и выволить из боярского плена наших единокровных братьев и граждан. На своих знаменах Красная Армия несет свободу трудовому народу от эксплуатации и национального гнета. Рабочие будут освобождены от капиталистического рабства, безработные получают работу, батраки, безземельные и малоземельные крестьяне получают земли румынских помещиков, налоги будут облегчены и временно совсем сняты. Будет положен конец дикой системе "румынизации" русских, украинцев и молдаван. Население Бессарабии получит возможность строить свою культуру, национальную по форме и социалистическую по содержанию. Бессарабия станет советским форпостом на нашей южной и юго-западной границе... Подготовка наступления должна проводиться в строжайшей тайне. Решительно бороться с болтливостью. Каждый должен знать лишь ему положенное и в установленный срок... Тексты листовок к солдатам и населению даст Политуправление Красной Армии. Их надо будет разбросать по всей Бессарабии самолетами в первый день наступления..."

Чтобы не допустить возможного мародерства и "барахольства", требовалось "проинструктировать личный состав об отношении к мирному населению" и запретить "совершать какие бы то ни было личные покупки в магазинах всем военнослужащим, невзирая на лица".

Были предусмотрены меры по работе среди войск противника, основная цель которой "сводится к тому, чтобы быстро разложить его армию, деморализовать тыл и, таким образом, помочь командованию Красной Армии

в кратчайший срок и с наименьшими жертвами добиться полной победы". Требовалось "на конкретных фактах показывать тяжелое положение трудящихся масс, особенно батраков и малоземельных, в Бессарабии, террор и насилие в тылу со стороны полицейско-жандармского аппарата... Разъяснять румынским солдатам несправедливость и безнадежность войны против СССР и задачи Красной Армии. Разоблачить произвол офицеров на фронте, капиталистов, помещиков, чиновников и полицейских в тылу... Пропагандировать переход солдат на нашу сторону и антивоенные настроения в армии противника. Широко пропагандировать каждый факт поражения румынских войск. Показывать счастливую и радостную жизнь рабочих и крестьян в СССР. Разъяснять, как рабочие и крестьяне СССР управляют государством без капиталистов и помещиков. Противопоставлять этому бесправное положение рабочих и крестьян в Румынии. Показать принципиальную разницу между царской Россией — тюрьмой народов и Советским Союзом — братским союзом освобожденных народов... Политработники держат серьезный экзамен. Они должны оправдать огромное доверие, которое оказала им партия, правительство, товарищ Сталин".

Политработа согласно этой директиве, полученной в войсках 25 июня, вела не только к "правильному" пониманию событий личным составом, но и породила ряд негативных настроений. Так, например, красноармеец 36-й танковой бригады Соколовский заявил: "Опять война, опять протягиваем братскую руку помощи. А сами говорим, что у нас нет империалистической захватнической Политики". По мнению красноармейца 335-го гаубичного артполка РКК Федотова, "у нас только говорят против войны, а сами воюют, в результате чего уже погибло до 200 тыс. человек и еще готовим войну, чтобы убивать людей, это преступно". Естественно, что с такими настроениями политорганы боролись особенно активно. В период сосредоточения войск имели место факты дезертирства красноармейцев. Так, только в войсках 12-й армии с 11 по 28 июня было задержано 138 дезертиров, 71 из которых был

осужден (в том числе 5 — к расстрелу). К 26 июня политорганы разработали план действий на первые дни операции. Для воздействия на войска противника было отпечатано 6 млн листовок, которые 27 июня были загружены в самолеты и подготовлены к применению.

Военная подготовка решения Бессарабского вопроса сопровождалась соответствующей дипломатической деятельностью Москвы. 21 июня 1940 г. советский полпред в Бухаресте в беседе с румынским министром иностранных дел в ответ на реплику последнего о путях улучшения советско-румынских отношений заметил, что в первую очередь следует урегулировать нерешенные политические вопросы, в частности вопрос о Бессарабии. Однако румынская сторона не стала развивать эту тему. Вступление Италии 10 июня 1940 г. в войну усилило ее заинтересованность в демонстрации сотрудничества с СССР, который тоже был заинтересован в определении позиции Германии и Италии в отношении Балкан и возможности решения Бессарабского вопроса. 20 июня итальянский посол в Москве А. Россо заявил Молотову о стремлении итальянского правительства развивать отношения с СССР в духе договора о дружбе, ненападении и нейтралитете 1933 г. и помочь урегулированию спорных вопросов на Балканах мирным путем. В ответ Молотов заявил, что СССР стоит за урегулирование Бессарабского вопроса "мирным путем, если, конечно, он не будет затягиваться без конца". Эта беседа стала первым намеком для германского посольства в Москве на возможные действия СССР в отношении Румынии.

В беседе с Молотовым 23 июня Шуленбург подтвердил, что, по мнению Германии, "соглашение о консультации" согласно пакту о ненападении "распространяется и на Балканы". Выяснив, что Германия подтверждает прошлогоднее соглашение о Бессарабии, Молотов сообщил Шуленбургу решение советского правительства по Бессарабскому вопросу. "Советский Союз хотел бы разрешить вопрос мирным путем, но Румыния не ответила" на советское заявление от 29 марта 1940 г. Теперь советское правительство

"хочет поставить этот вопрос вновь перед Румынией в ближайшее время. Буковина, как область, населенная украинцами, тоже включается в разрешение Бессарабского вопроса. Румыния поступит разумно, если отдаст Бессарабию и Буковину мирным путем... Если же Румыния не пойдет на мирное разрешение Бессарабского вопроса, то Советский Союз разрешит его вооруженной силой. Советский Союз долго и терпеливо ждал разрешения этого вопроса, но теперь дальше ждать нельзя". Шуленбург указал на важность для Германии экономических поставок из Румынии и просил советское правительство не предпринимать никаких решительных шагов, пока не будет обозначена позиция Германии. Молотов еще раз подчеркнул срочность вопроса и заявил, что советское правительство ожидает поддержки со стороны Германии. Со своей стороны СССР обеспечит охрану экономических интересов Германии в Румынии.

23 июня вечером Молотов уведомил Шуленбурга, что "советское правительство будет ожидать ответа германского правительства до 25 июня включительно". 24 июня Риббентроп составил для Гитлера меморандум, в котором указал, что в соответствии с секретным протоколом от 23 августа 1939 г. Германия декларировала свою политическую незаинтересованность в Бессарабии, относительно экономической заинтересованности Германии на Юго-Востоке Европы советское правительство было должным образом уведомлено [23]. В тот же день Риббентропу были переданы соображения статс-секретаря германского МИДа Э. фон Вайцзеккера, который предложил приложить усилия для мирного урегулирования вопроса в смысле удовлетворения претензий СССР, потребовав взамен удовлетворить следующие пожелания: "1. Не переходить в Бессарабии участок р. Прут и нижнего течения Дуная, чтобы не подвергать опасности наши интересы в районах нефтедобычи. 2. Обещать соблюдать права и интересы граждан рейха. 3. Обещать охрану интересов фольксдойче способом, который будет установлен позднее. 4. В случае военного столкновения не бомбить районы

нефтедобычи". Румынии же необходимо указать, что Германия поддержит советские требования.

25 июня советская сторона предприняла более конкретный дипломатический зондаж в отношении Италии. В ответ на предыдущий, запрос итальянского посла Молотов заявил ему, что СССР "не имеет никаких претензий к Венгрии" и "считает претензии Венгрии к Румынии имеющими под собой основания". "С Болгарией у СССР хорошие, добрососедские отношения. Они имеют основание стать более близкими. Претензии Болгарии к Румынии, как и к Греции, имеют под собой основания. Основные претензии СССР к Румынии известны. СССР хотел бы получить от Румынии то, что по праву принадлежит ему, без применения силы, но последнее станет неизбежным, если Румыния окажется несговорчивой. Что касается других районов Румынии, то СССР учитывает интересы Италии и Германии и готов договориться с ними по этому вопросу". 26 июня в беседе с советским полпредом в Риме министр иностранных дел Италии Г. Чиано, сославшись на сведения о намерениях СССР "разрешить военным путем вопрос о Бессарабии", информировал Москву, что Италия "целиком признает права СССР на Бессарабию", но заинтересована в мирном решении этого вопроса. При этом итальянская сторона выразила готовность вместе с Германией "посоветовать Румынии принять советские предложения". 27 июня Москва дала согласие на это итальянское предложение.

В 21.00 25 июня Шуленбург сообщил Молотову следующий ответ Берлина: "1. Германское правительство в полной мере признает права Советского Союза на Бессарабию и своевременность постановки этого вопроса перед Румынией. 2. Германия, имея в Румынии большие хозяйственные интересы, чрезвычайно заинтересована в разрешении Бессарабского вопроса мирным путем и готова поддержать Советское правительство на этом пути, оказав со своей стороны воздействие на Румынию. 3. Вопрос о Буковине является новым, и Германия считает, что без

постановки этого вопроса сильно облегчилось бы мирное разрешение вопроса о Бессарабии. 4. Германское правительство, будучи заинтересованным в многочисленных немцах, проживающих в Бессарабии и Буковине, надеется, что вопрос об их переселении будет решен Советским правительством в духе соглашения о переселении немцев с Волыни". Германия высказала заинтересованность в недопущении "превращения Румынии в театр военных действий". Молотов выразил признательность германскому правительству за его понимание и поддержку советских требований и заявил, что СССР также желает мирного решения вопроса; пожелания Германии относительно проживающих там немцев будут учтены, так же как и экономические интересы рейха. По вопросу о Буковине Молотов заявил, что она "является последней недостающей частью единой Украины и что по этой причине советское правительство придает важность решению этого вопроса одновременно с бессарабским", но, как отметил Шуленбург, вполне возможно некоторое изменение советских требований.

26 июня Молотов вновь беседовал с Шуленбургом и заявил, что советские требования "ограничиваются северной частью Буковины с городом Черновицы", и добавил, что советское правительство ожидает поддержки Германией этих требований. Когда Шуленбург заметил, что вопрос решился бы легче, если бы СССР возвратил Румынии золотой запас румынского Национального банка, вывезенный в Москву в 1915 г.. Молотов ответил, что об этом не может быть и речи, так как Румыния достаточно долго эксплуатировала Бессарабию. Относительно дальнейших действий Молотов сообщил, что он передаст требования СССР румынскому посланнику в Москве в ближайшее дни и ожидает от Германии поддержки в удовлетворении этих требований, если Румыния не хочет войны.

В Румынии еще не знали, что судьба Бессарабии уже практически решена. 25 июня румынский премьер-министр интересовался у германского посланника в Бухаресте, нет ли ответа на румынское заявление от 20 июня.

Получив сведения о сосредоточении Красной Армии к Днестру, Татареску заявил, что "румынское правительство и король полны решимости скорее воевать чем просто уступить", если СССР потребует передачи Бессарабии. Столь же воинственные заявления выслушивали 24—26 июня от румынских коллег американские дипломаты. Правда, в Бухаресте росли опасения в связи с тем, что неоднократные тревожные обращения в Берлин наткнулись на стену молчания.

3.2 Урегулирование Бессарабского вопроса с Румынией

26 июня в 22.00 Молотов вручил румынскому посланнику Г. Давидеску ноту советского правительства. В ней было заявлено, что "в 1918 году Румыния, пользуясь военной слабостью России, насильственно отторгла от Советского Союза (России) часть его территории — Бессарабию... Советский Союз никогда не мирился с фактом насильственного отторжения Бессарабии, о чем правительство СССР неоднократно и открыто заявляло перед всем миром. Теперь, когда военная слабость СССР отошла в область прошлого, а сложившаяся международная обстановка требует быстрейшего разрешения... нерешенных вопросов...", советское правительство предложило Румынии: "1. Возвратить Бессарабию Советскому Союзу. 2. Передать Советскому Союзу северную часть Буковины в границах согласно приложенной карте". Одновременно Москва выразила надежду, что Румыния "примет настоящее предложение СССР и тем даст возможность мирным путем разрешить затянувшийся конфликт". Ответ румынского правительства ожидался в течение 27 июня. Попытка румынского посланника оспорить приведенную в ноте аргументацию ссылками на историю Бессарабии и событий 1918 г., естественно, не нашла отклика у Молотова, который заметил, что они "не соответствуют ни историческому развитию, ни реальной ситуации". Так же не удалась попытка продлить срок для ответа из Бухареста, поскольку советское правительство уже "ждало 22 года" и поэтому "надеется, что ответ будет дан без опозданий, и если он будет положительным, то вопрос будет решен мирным путем".

О предпринятых шагах Молотов 27 июня известил Шуленбурга, который пытался уточнить, "как понимать требование советского правительства, что румынский ответ должен поступить еще сегодня". На это ему разъяснили, что "советские войска завтра утром перейдут румынскую границу, если румынское правительство еще сегодня не даст положительный

ответ на советские требования". Получив советскую ноту, румынское правительство обратилось за поддержкой к Италии, Германии и союзникам по Балканской Антанте. Кроме того, от Рима и Берлина требовалось оказать сдерживающее влияние на Венгрию и Болгарию. С утра 27 июня в Румынии была объявлена мобилизация, а в 10.30 Риббентроп передал в Бухарест инструкцию своему послу, в которой предлагал заявить министру иностранных дел Румынии: "советское правительство информировало нас о том, что оно требует от румынского правительства передачи СССР Бессарабии и северной части Буковины. Во избежание войны между Румынией и Советским Союзом мы можем лишь посоветовать румынскому правительству уступить требованиям советского правительства". Схожие ответы были получены от Италии и стран Балканской Антанты. Обсуждая варианты действий в данной ситуации, в Бухаресте решили попытаться затянуть время, вступив в переговоры с СССР.

В 23.00 27 июня в Москве был получен ответ Бухареста, в котором румынское правительство заявляло, "что оно готово приступить немедленно, в самом широком смысле к дружественному обсуждению, с общего согласия, всех предложений, исходящих от Советского правительства". Румыния просила "указать место и дату" будущих переговоров, делегаты на которые с румынской стороны будут назначены после ответа из Москвы. В ноте выражалась надежда, что "переговоры... будут иметь результатом создание прочных отношений, доброго согласия и дружбы между СССР и Румынией". Выслушав столь обтекаемый ответ, Молотов заявил, что "не видит в сделанном заявлении согласия на советские предложения и что он полагает, что завтра же советские войска должны вступить на территорию Бессарабии и Северной Буковины". Давидеску заверил его, что румынское правительство согласно с советскими предложениями, но следует договориться о "процедуре и юридических формах осуществления данных мероприятий". Однако все попытки румынского дипломата договориться о будущих переговорах были

безуспешны, поскольку, как заявил Молотов, "сейчас речь идет о вопросах политических, а не технических". Советская сторона предложила немедленно подписать соглашение о том, что 28 июня "советские войска должны занять определенные пункты" и за 3-4 дня всю остальную территорию. Соответственно Румыния должна гарантировать сохранность предприятий, железных дорог, аэродромов, телеграфа и телефона, государственного и частного имущества, а позднее "советско-румынская комиссия сможет договориться о деталях реализации намеченных мероприятий".

Давидеску отказался подписывать соглашение, сославшись на отсутствие у него необходимых полномочий. Тогда несколько позднее ему была передана новая советская нота, в которой отмечалась неопределенность ответа румынского правительства, "ибо в нем не сказано прямо, что оно принимает предложения Советского правительства о немедленной передаче Советскому Союзу Бессарабии и северной части Буковины". Однако, принимая во внимание разъяснения румынского посланника в Москве, советское правительство предложило: "1. В течение 4-х дней, начиная с 2 часов дня по московскому времени 28 июня, очистить румынским войскам территорию Бессарабии и северной части Буковины. 2. Советским войскам за этот же период занять территорию Бессарабии и северной части Буковины. 3. В течение 28 июня советским войскам занять пункты: Черновицы, Кишинев, Аккерман. 4. Королевскому правительству Румынии взять на себя ответственность за сохранность и недопущение порчи железных дорог, паровозного и вагонного парка, мостов, складов, аэродромов, промышленных предприятий, электростанций, телеграфа. 5. Назначить комиссию из представителей" сторон "для урегулирования спорных вопросов по эвакуации румынских войск и учреждений". Ответ Румынии должен был поступить в Москву не позже 12.00 28 июня.

В Бухаресте продолжали обсуждение сложившейся обстановки, не исключая и возможности военного сопротивления СССР. Однако поздно

вечером 27 июня, реально оценив военные возможности Румынии и опасаясь социальных потрясений в случае войны с СССР, Коронный совет 27 голосами против 11 решил согласиться на уступку требуемых СССР территорий. Как позднее заявил в парламенте Татареску, "мы решили отступить из Бессарабии и Верхней Буковины, чтобы спасти сегодня румынское государство и уберечь от опасности будущее румынской нации". В 11.00 28 июня румынское правительство заявило, что, стремясь "избежать серьезных последствий, которые повлекли бы применение силы и открытие военных действий в этой части Европы, видит себя обязанным принять условия эвакуации, предусмотренные в советском ответе". При этом Румыния просила продлить срок эвакуации, "принимая во внимание, что эвакуацию территории было бы крайне трудно осуществить в течение четырех дней вследствие дождей и наводнений, которые испортили пути сообщения". Решением этого вопроса могла бы заняться смешанная советско-румынская комиссия [7].

Поскольку советско-румынский конфликт был разрешен мирным путем, войска Южного фронта получили приказ осуществить операцию по второму варианту плана. В Бессарабию и Северную Буковину вводилась лишь часть сосредоточенных войск. Кроме того, предусматривалось использование 201-й и 204-й воздушно-десантных бригад фронтового подчинения. Все остальные войска оставались на старой границе в полной боевой готовности. 28 июня войска получили указание Политуправления Красной Армии, которое требовало разъяснить всему личному составу, что, "благодаря мудрой сталинской внешней политике, мы избавили от кровопролитной войны трудящихся Бессарабии и Северной Буковины и решили вопрос о возвращении Бессарабии в могучую семью Советского Союза мирным путем". Войскам приказывалось сохранять бдительность и вести активную политработу среди местного населения.

В 14.00 28 июня войска Южного фронта перешли старую границу и в тот же день заняли Черновицы, Хотин, Бельцы, Кишинев и Аккерман.

Советские войска продвигались практически вслед за арьергардами румынских войск, а подвижные соединения обогнали их и раньше них вышли к реке Прут. Форсирование нижнего течения Днестра войсками 9-й армии заняло слишком много времени, поскольку понтонеры оказались слабообученными. Задержка с продвижением войск в юго-западные районы Бессарабии и поступившие сведения о мародерстве эвакуированных румынских частей привели к тому, что было решено высадить десанты в южной части Бессарабии. 29 июня в районе Белград было десантировано 1372 бойца 204-й воздушно-десантной бригады. Всего было высажено 240 и десантировано с парашютами 509 человек, а из трех самолетов десантирование не было произведено. К вечеру десантники заняли Измаил и взяли под охрану границу. В ходе этих десантных операций погибли 3 человека, 7 получили переломы, а 25 легкие травмы. По мнению командования Южного фронта, десанты "полностью себя оправдали и заставили румынские части считаться с соглашением".

Несмотря на столь высокую оценку действий десантников, командование воздушно-десантных бригад было настроено в отношении проведенной операции достаточно критично. Появление десантников приостановило грабеж населения румынскими солдатами. К 4 июля подошли части 25-й стрелковой дивизии. 204-я бригада была отведена в Белград, оттуда по железной дороге переброшена в Бендеры, где и оставалась до 16 июля.

Начальник Управления боевой подготовки Красной Армии генерал-лейтенант В.Н. Курдюмов, докладывая 24 июля 1940г. наркому обороны о ходе воздушно-десантной операции в Бессарабии, отметил, что она была "выполнена исключительно плохо", поскольку "отсутствовала всякая подготовка к операции".

29 июня войска первых эшелонов вышли на реку Прут, где заняли переправы и установили порядок осмотра отходящих румынских частей с целью изъятия захваченного имущества местного населения. Эти меры, наряду с активной политической пропагандой, личное участие в которой приняли прибывшие в Бессарабию С.К. Тимошенко, Г.К. Жуков, Л.З. Мехлис и первый секретарь ЦК КП(б)У Н.С. Хрущев, поддерживали энтузиазм населения в связи с приходом Красной Армии. В ходе Бессарабской операции для издания газет и листовок на русском, украинском и румынском языках использовался поезд-типография, общий объем продукции которого составил 2 120 тыс. экземпляров. Газеты, изданные в уездах, позволили широко охватить прессой местное население, для развлечения которого привлекались киноустановки и театры УССР и КОВО [3]. Общий объем отпечатанных книг, брошюр, листовок, карт и т.п. составил 2 539 тыс. экземпляров. В ходе занятия Бессарабии советскими войсками имели место факты "барахольства" — покупок советскими военнослужащими различных промтоваров, что активно пресекалось командованием и политорганами.

К исходу 1 июля новая граница была полностью занята войсками, а с 14.00 3 июля граница была закрыта, и не успевшие переправиться румынские военнослужащие были разоружены и задержаны. Тем самым "войска Южного фронта выполнили поставленную перед ними задачу и обеспечили нашему Правительству возможность мирным путем освободить Бессарабию и Буковину. и своими действиями быстро закрепили их за СССР... Граница надежно обеспечена. Главные силы приступили к нормальной боевой учебе в занимаемых ими районах". С 5 июля 1940 г. войска были переведены в состояние обычной готовности мирного времени, и с 8 июля началось их рассредоточение по местам постоянной дислокации. 7 июля было расформировано управление Южного фронта, а 10 июля — управление 9-й армии. Отсутствие боевых действий не исключало мелких стычек румынских и советских войск, потери Красной Армии в которых, а также от несчастных

случаев за период с 11 июня по 6 июля 1940 г., по неполным данным, составили 119 человек (убито — 29, самоубийств — 12, ранено — 69, членовредительство — 6, утонуло — 3) . В ходе Бессарабской кампании советские войска захватили значительные трофеи.

Передачей СССР требуемых им территорий не завершилось урегулирование спорных вопросов. С 29 июня 1940г. в Одессе начала работу советско-румынская правительственная комиссия по урегулированию спорных вопросов и эвакуации румынских войск и учреждений из Бессарабии и северной части Буковины (с советской стороны председатель генерал-лейтенант Д.Т. Козлов, с румынской — дивизионный генерал А. Алдя). Советская сторона требовала, чтобы Румыния возвратила угнанный подвижной состав железных дорог и передала техническую и картографическую документацию новых советских территорий. 31 июля 1940г. было подписано советско-румынское соглашение о передаче СССР к 25 августа 175 паровозов и 4 375 вагонов. Со своей стороны СССР отказался рассматривать контрпретензии Румынии по военному имуществу, оставленному в Бессарабии, на основании заявления румынской делегации, что имущество расхитили дезертиры. Правда, позднее большая часть военных трофеев Красной Армии была возвращена Румынии.

Поражение Франции привело к нарушению сложившейся системы влияния великих держав и обострило борьбу за Балканы. Первым новую ситуацию использовал СССР, добившись разрешения Бессарабского вопроса. Венгрия и Болгария решили, что настало время осуществить их собственные территориальные претензии к Румынии. Опасаясь своих соседей, румынское руководство приняло решение ускорить сближение с Германией, что должно было помочь избежать новых территориальных уступок. 1 июля Румыния отказалась от англо-французских гарантий 1939 г. и на следующий день просила Германию о расширении сотрудничества и посылке в страну военной миссии. Однако в Берлине не спешили отвечать на румынские предложения,

поскольку перед Германией стояла задача подчинить своему влиянию все Балканы, а для этого следовало использовать противоречия стран региона. В июле 1940г. Германия отказалась от румынского предложения о гарантии границ Румынии и от роли арбитра в урегулировании территориальных вопросов, потребовав от нее договориться с соседями, учтя их требования. Такую же позицию заняла и Италия. В этих условиях в августе 1940 г. Румыния была вынуждена пойти на прямые переговоры с Венгрией и Болгарией.

В июле 1940 г. Германия, Италия и СССР, стремившиеся усилить, и Англия, пытавшаяся сохранить свое влияние в регионе, поддержали территориальные претензии Болгарии к Румынии. 19-21 августа состоялись румыно-болгарские переговоры в городе Крайове, в результате которых 7 сентября было подписано соглашение о передаче Болгарии территории Южной Добруджи площадью 5672 кв. км и населением 386 231 человек. 21 сентября соглашение было ратифицировано, и болгарские войска вступили в Южную Добруджу, а к 2 октября вся процедура была завершена. Со своей стороны Венгрия еще 28 июня уведомила Берлин, что в создавшейся ситуации она не исключает возможности решения вопроса о Трансильвании военной силой. В то же время она готова увеличить свои сельскохозяйственные поставки в Германию и предоставить ей право пользования венгерскими железными дорогами. 29 июня венгерские войска начали сосредоточение у румынской границы [10]. Одновременно Венгрия пыталась выяснить позицию других великих держав.

В июле-августе 1940г. Москва неоднократно заявляла, что считает свои отношения с Венгрией нормальными и не имеет к ней никаких претензий. В то же время "советское правительство считает, что претензии Венгрии к Румынии имеют под собой основания", и СССР будет придерживаться этой позиции "в случае созыва международной конференции, на которой эвентуально будет стоять вопрос о притязаниях Венгрии к Румынии".

Попытки Венгрии получить обещания более конкретной помощи не увенчались успехом. Англия и США также поддержали венгерские претензии. За этой позицией Москвы, Лондона и Вашингтона без труда угадывалось стремление использовать венгеро-румынский конфликт для того, чтобы поссорить возможных союзников Германии и создать ей экономические трудности.

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что вхождение новых республик в состав СССР происходило не на добровольной основе, правительств и народа этих республик. Во главу угла советское руководство ставило задачи обеспечения сохранности собственного государства от возможной угрозы со стороны Германии. Договор о ненападении заключенный между СССР и Германией не внушал доверия, как Сталину, так и Гитлеру, в связи, с чем советское военно-политическое руководство стремилось отодвинуть границу как можно дальше на Запад.

Подводя итоги Польской кампании, Молотов заявил на сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г., что "правлящие круги Польши не мало кичились "прочностью" собственного государства и "мощью" своей армии. Однако оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем - Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора". Ещё 1 октября Политбюро ЦК ВКП(б) приняло программу советизации Западной Украины и Западной Белоруссии, которая стала обязательно исполняться. Проведенные выборы "показали, что подавляющее большинство населения этих регионов дало согласие с установлением советской власти и присоединением к Советскому Союзу" . Избранные 22 октября Народные собрания Западной Белоруссии и Западной Украины 27-29 октября провозгласили Советскую власть и обратились с просьбой о включении их в состав СССР. 1-2 ноября 1939 г. Верховный Совет СССР удовлетворил их просьбу. Территория, занятая советскими войсками, "была освобождена от помещиков и капиталистов", и ее народы "получили возможность воссоединиться с братскими народами Великой страны Советов единой дружной семьей крепить великое дело Ленина-Сталина, дело построения коммунизма". Этими событиями завершилось решение польского вопроса в 1939 году.

Действия СССР в отношении Прибалтики, в отличие от мер по присоединению других территорий Восточной Европы, считавшихся советской "сферой интересов", предоставляют пример сложной, многоходовой комбинации. Признание Германией Эстонии, Латвии и Литвы зоной советских интересов и война в Европе позволили СССР навязать этим государствам договоры о взаимопомощи, что дало Москве легальный рычаг воздействия в регионе, признанный Англией и Францией как наименьшее зло в сравнении с германской оккупацией. Сделав первый шаг по пути проникновения в Прибалтику, советское руководство демонстративно не вмешивалось во внутренние дела этих государств, терпеливо ожидая своего часа. Разгром Франции и изгнание английской армии с континента открыли дорогу к присоединению Прибалтики. Дипломатический конфликт, созданный СССР, и угроза военного проникновения поставили прибалтийские правительства перед выбором — борьба или капитуляция. Принимая во внимание бесперспективность военного сопротивления и незаинтересованность великих держав Европы в делах Прибалтики, было принято решение капитулировать, и советское руководство, нарушив этим все свои договоры с Эстонией, Латвией и Литвой, ввело войска и начало целенаправленную советизацию региона. Таким образом, используя англо-франко-германские противоречия, СССР получилось вернуть контроль над стратегически важным регионом, усилить собственные позиции на Балтийском море и создать плацдарм против Восточной Пруссии. Благодаря присоединению Прибалтики к СССР в 1940 году, удалось избежать дислокации немецких войск в непосредственной близости к Ленинграду, что имело решающее значение при его блокаде.

Советское руководство, в условиях стремительно возросшей угрозы вмешательства в войну Англии и Франции, было вынуждено пойти на переговоры и заключение мира с законными финскими властями. Принимая во внимание расплывчатые обещания союзников, опасность провала

финского фронта под напором Красной Армии и неуступчивость Швеции и Норвегии в вопросе транзита иностранных войск, финское руководство было вынуждено принять советские требования, и в 2.00 13 марта 1940 г. был подписан мирный договор между СССР и Финляндией. В этих условиях стремление сберечь армию ценой потери территорий для Финляндии было решающим, для того чтобы в будущем иметь возможность возвратить утраченное. Советские войска в войне потеряли 132 479 человек убитыми и пропавшими без вести, 265 907 человек ранеными и больными, безвозвратные потери составили 406 самолетов, 653 танка и 422 орудия и миномета. Общие затраты на войну превысили 7,5 млрд рублей. Значительные потери понесли и финские войска, потерявшие убитыми и пропавшими без вести 22 830 человек, ранеными 43 557 человек, 62 самолета, 500 орудий и минометов, 50 танков. Советско-финский договор лишил Англию, Францию и Германию удобного предлога для вмешательства в Скандинавии, но, по оценке начальников штабов английских вооруженных сил, дал «СССР возможность доминировать в Финском заливе и укрепить свои стратегические позиции в Ботническом заливе и в Прибалтике против Германии». 31 марта Карельская АССР была преобразована в Карело-Финскую ССР, а 9 апреля советские войска эвакуировались из Петсамо.

Большое значение имела передача Бессарабии СССР. В результате операции была взята территория площадью 50 762 км², на ней проживали 3 776 000 человек. Румыния потеряла 17 % (из 295 649 км²) своей территории и 18,9 % (из 19.9 млн) населения. Экономике не был нанесён чувствительный удар. Вклады румынских предпринимателей в становление Бессарабии были ничтожны, так как те еще с 1920-х годов догадывались, что Бессарабия отойдет к СССР, и не желали терять капиталов. В результате второго Венского арбитража и Крайовского мирного договора, Румыния лишилась, соответственно, Северной Трансильвании, которая отошла к Венгрии, и Южную Добруджу, возвращенную Болгарии. Гитлер этим воспользовался,

использовав все три кризиса с целью усиления влияния Германии в Румынии^[13]. Такие существенные изменения границ настроили общественное мнение Румынии против короля Кароля II. Это привело к государственному перевороту, организованного «Железной Гвардией», приходу к власти Иона Антонеску и усилению прогерманских позиций.

После отречения Кароля II от престола в пользу своего сына Михая I в стране установилась фактическая диктатура маршала Иона Антонеску, который подписал протокол о присоединении Румынии к Тройственному пакту. Впоследствии Румыния выступила на стороне стран Оси в войне против СССР. Кроме того, страна впала в финансовый кризис, а «Железная Гвардия» начала проводить политику террора.

Для СССР присоединение Бессарабии и Северной Буковины тоже сыграло важную роль. СССР расширил свои владения на черноморском побережье, при этом ослабив своего потенциального соперника в Юго-Восточной Европе. Большое значение имел выход к важнейшей судоходной реке Европы — Дунаю и создание на нём Дунайской флотилии.

Стоит отметить, что ключевое значение в событиях 1939-1940 года имел договор от 28 сентября 1939 г. «О дружбе и границе». В новейшей отечественной историографии советско-германский договор оценивается, как правило, резко критически. По мнению ряда авторов, поскольку договор был заключен с воюющей страной, СССР отошел от нейтралитета и стал на путь сотрудничества с Германией [22]. Другие отмечают, что, заключив пакт о ненападении в преддверии германо-польской войны, СССР поддержал агрессивные устремления Германии и вовсе не был нейтрален, а оказывал содействие Германии, помогая ей разгромить Польшу. В литературе советское руководство осуждается за нарушение международного права, выразившееся в установлении советско-германской границы в Польше без ее согласия, изменении территории Литвы без ее уведомления, планировании совместных антипольских акций и договоренности о насильственном

переселении населения Польши. В качестве положительных последствий договора многие авторы называют установление границы по "линии Керзона", получение СССР Западной Украины и Западной Белоруссии, свободы рук в Прибалтике и создание предела германской экспансии на Востоке Европы.

Вместе с тем, стоит заметить, что недобровольное присоединение этих республик сыграет немалую роль в ходе Великой Отечественной войны. Часть населения Западной Украины, Прибалтики, и Бессарабии перейдут на сторону врага, и будут принимать участие в карательных акциях, а в Прибалтике движение сопротивления советской власти просуществоует до 1956 года, а после развала СССР историки всех республик начнут ревизию и переоценку советских исторических концепций, выставя СССР агрессором.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барышников Н.И. Блокада Ленинграда и Финляндии 1941-1944. СПб-Хельсинки, 2002. С. 112—120
2. Ващенко П.Ф. Если бы Финляндия и СССР...//Военно-исторический журнал. 1990. № 1. С.29
3. Венков Н.Н. "Допустить размещение войск..."//Военно-исторический журнал. 1990. № 4. С.31—32;
4. Вокруг пакта о ненападении (Документы о советско-германских отношениях 1939г.)//Международная жизнь - 1989. № 9. С.93—94;
5. Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия: Политический портрет И.В.Сталина. М.,1989. Кн.2. 4.1. С.40—41
6. Волков С.В., Емельянов Ю.В. До и после секретных протоколов. М.,1990. С. 164—168.
7. Внешняя политика СССР. Т.4. С.452—453.
8. Галицкий В.Н. Финские военнопленные в лагерях НКВД. М.,1997. С.38—46.
9. Гареев М.А. Неоднозначные страницы войны. (Очерки о проблемных вопросах Великой Отечественной войны). М.,1995. С.71.
10. Донгаров А.Г., Пескова Г.Н. СССР и страны Прибалтики (август 1939— август 1940)//Вопросы истории. 1991. № 1. С.33—39;
11. Дризулис А. Памятная записка министра иностранных дел Латвии В.Мунтерса о советско-латвийских переговорах 1939 г. по поводу заключения пакта о взаимопомощи//Отечественная история. 1992. № 2. С.176—183;
12. Зимняя война 1939—1940гг. Политическая история. Кн.1. М.,1998. С. 16; С.303—324
13. История Великой Отечественной войны. М.,1960, Т.1. С.250—258

14. История второй мировой войны. Т.3. С.31: Гриф секретности снят. М.,1993. С.86, 90—91
15. Кан А.С. Внешняя политика скандинавских стран в годы второй мировой войны. М.,1967. С.12—13.
16. Козлов А.И. Сталин и борьба за власть. Ростов-на-Дону, 1991. С.15
17. Лебедева Н.С. О трагедии в Катыни//Международны жизнь. 1990.№5.С.117.
18. Международная жизнь. 1991. № 7. С.134—137; ДВП. Т.22. Кн.2. С.134—135.
19. Мельтюхов, Михаил Иванович. Нарастивание советского военного присутствия в Прибалтике // Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939—1941. — М.: Вече, 2000. — С. 178, 180, 196, 202-205. — 605 с.
20. Мельтюхов М.И. "Народный фронт" для Финляндии? (К вопросу о целях советского руководства в войне с Финляндией 1939—1940 гг.)//Отечественная история. 1993. № 3. С.95—101.
21. Наринский М.М. Кремль и Коминтерн 1939—1941 гг.//Свободная мысль.1995. № 2. С.16—17; 1941 год. Документы. Кн.2. М.,1998. С.596.
22. Носков А.М. Скандинавский плацдарм во второй мировой войне. М.,1977. С.20—37;
23. Орлов А.С. СССР — Германия: август 1939г. — июнь 1941 г. М., 1991. С.15.
24. Орлов А.С. СССР и Прибалтика. 1939—1940//История СССР. 1990. № 4. С.46—47;
25. От пакта Молотова—Риббентропа до договора о базах. С.135, 137—138, 139—140.
26. Очерки истории Великой Отечественной войны, 1941-1945 / Акад. наук СССР, Ин-т истории. М, 1955.
27. Розанов Г.Л. Германия под властью фашизма. С.110—129

- 28.Сборник материалов по истории военного искусства в Великой Отечественной войне. Выпуск V. Том второй / Под ред. А. И. Готовцева. М., Военное издательство, 1955.
- 29.Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1939—1941. М.,1992. С.209—214;
- 30.Суворов В. (Резун). «Ледокол». М-1991. С.187
- 31.Фальсификаторы истории. М.,1948. С.63
- 32.Фляйшхауэр И. Пакт Молотова—Риббентропа: германская версия//Международная жизнь. 1991. № 7. С. 129—133.
- 33.Ширер У.. Т.2. С.10; ДВП. Т.22. Кн.2. С.144, 618.
- 34.Шуранов Н.П. Политика кануна Великой Отечественной войны. Кемерово. 1992. С.87—99.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- 35.«1940 год в Эстонии. Документы и материалы». Талин, 1989.
- 36.«Год кризиса» Составитель МИД СССР. 1990
- 37.Губин И. А. Слово о Краснознаменном Прибалтийском. Рига, 1981.
- 38.«Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937-1939»
- 39.«Документы внешней политики 1940-22 июня 1941». М.,1998
- 40.Документы по истории Мюнхенского сговора. 1937–1938. М., 1971
- 41.Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1–7. М., 1969–1973
- 42.Кабанов С.И. «На дальних подступах». М.,1971.
- 43.Майский И.М. Воспоминания советского дипломата (1925-1945 гг.). М.,1971.
44. Мерецков К. А. На службе народу. Страницы воспоминаний. М.: 1968.
- 45.Черчилль У. Вторая мировая война. — М.: Воениздат, 1991.
- 46.«Полпреды сообщают...» Сборник документов об отношении СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август1939 г. август 1940 г. М., 1990. С191

47. «Прибалтика и геополитика». Архив Службы внешней разведки.
Сборник документов (1935-1945). М., 2006
48. «СССР и Литва в годы Второй мировой войны»